

СЕРГЕЙ СЯКОВИЧСКИЙ

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО СКАЛЬДО
СЯК ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Сергей Сакадынский

Песня последнего скальда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18231893

Аннотация

Я расскажу давнюю повесть. Повесть о вражде и ненависти, дружбе и предательстве, в которой я по воле бессмертных богов стал не только свидетелем, но и участником. И по сей день, когда я касаюсь рукою струн, звуки арфы пробуждают во мне забытое прошлое. И вновь чувствую я ледяное дыхание смерти, как в тот кровавый день, когда многие, из тех, кого я знал, ушли в Вальхаллу. И слышу я нарастающий грозный гул битвы, и воины падают на истоптанный ногами снег, и ручьями льется кровь...

Сакадынский Сергей

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО СКАЛЬДА

Кто знает путь богов – начало и конец?

М. Волошин.

Я расскажу давнюю повесть. Повесть о вражде и ненависти, дружбе и предательстве, в которой я по воле бессмертных богов стал не только свидетелем, но и участником.

И по сей день, когда я касаюсь рукою струн, звуки арфы пробуждают во мне забытое прошлое.

И вновь чувствую я ледяное дыхание смерти, как в тот кровавый день, когда многие, из тех, кого я знал, ушли в Вальхаллу.

И слышу я нарастающий грозный гул битвы, и войны падают на истоптанный ногами снег, и ручьями льется кровь...

*Все будет так, как должно быть,
даже если все будет иначе.*

Коран.

Путь викинга прямой, как стрела. Но тот, кто идет по дороге жизни в вечность, никогда не знает, куда приведет его этот путь. Все будет так, как укажут вещице норны – всемогущие владычицы Судьбы. И даже великий Один Отец Побед и повелитель всех богов и людей не властен изменить их волю. Потому что у них в руках священные нити судьбы.

Порой эти нити так путаются и переплетаются, что вовсе нельзя понять, где одна, а где другая. Но у каждой есть начало и конец. И никому из смертных не дано знать, когда оборвется его нить.

Всякий живущий под небом обречен совершить предначертанный путь, и только одни лишь всеильные боги знают, где начало этого пути, а где конец. Так было и так будет всегда. И напрасно искать в этом смысл. Потому что все будет так, как должно быть. Как предопределяют древние боги.

Викингу незачем задумываться о смысле жизни. Присокупить к воле богов свой разум и силу – вот слава, достойная всякого смертного. Великий Всеотец, владыка всего сущего покровительствует храбрым. И тем почетнее смерть в бою, если всем павшим на поле брани уготовано место в чертоге Одина.

И не пристало воину роптать на неодолимую волю судьбы. Ибо все будет так, как пожелают бессмертные боги.

Не знаю по воле какого бога – Одина или Перуна – я, славянин, оказался в дружине викингов. Не я первый, не я единственный.

Мои соплеменники изгнали меня, и я не знаю, так ли много было в том моей вины. С тех пор я больше не имел родины. Я – Доброслав, славянин и сын славянина, отвергнутый своим родом и отрекшийся от своих богов. Я, ставший воин-скальдом среди таких же изгнанников и забывший свое собственное имя.

Они не знали, кто я и мой язык был им чужд. И как человек, подобравший чужую собаку, дает ей новую кличку, так и гости из края льдов нарекли меня Эрлингом.

Что толку рассказывать, как я взял в руки весло, и как Тормунд сын Грима стал моим приемным отцом. В день, когда я перестал быть славянином и стал викингом, я встретил свою шестнадцатую весну. И случилось это в тот самый год, когда Олаф конунг Бирки напал на Курланд и сжег Себорг.

С тех пор минуло восемь зим. И все это время мы шли от моря к морю, от земли к земле и где грабили, а где торговали.

Мир принадлежит тому, кто сильнее и храбрее. И мы, викинги, брали по праву нам принадлежащее. И не было конца нашему походу.

Ибо море бесконечно. И война тоже бесконечна. Когда кончается одно море, начинается другое, и когда кончается одна битва, начинается другая.

Но моя битва кончена, и мое море тоже. Хоть я и не думал об этом тогда, стоя на палубе боевого корабля – дракона, и после, отчаянно цепляясь за жизнь, алой струей вытекавшую из моих ран.

...Когда мы встретились с данами на скалистом берегу Каттегата, удача, до тех пор не оставлявшая Тормунда, повернулась к нам спиной. И ветер пел в бездонной вышине песню смерти, и вороны кружились в ожидании добычи, и отвесные скалы фиордов эхом вторили звону мечей...

Все изменилось в тот день. Я не стану рассказывать, как сражались и пали многие из храбрейших и как Тормунд сын Грима постучался в ворота Вальхаллы. Не по своей воле сел я за весло на корабле торговцев-фризов!

Я, Эрлинг Тормундссон, не хотел этого.

Судьба.

Предводителя торговцев звали Тригвальд. Это был вождь и по силе и по уму – кряжистый, словно дуб и сильный, как дикий тур. С первого взгляда всякий признал бы в нем ярла – хоть и не носил он ни дорогих одежд ни золотой гривны на шее.

– В битве я потерял кое-кого из своих – сказал он, когда мне развязали руки – мне нужны люди. Ты храбро сражался, и если захочешь остаться с нами, я верну тебе свободу.

Я-то думал :продадут меня, пленника, где-нибудь в Смоланде или Скирингссале. А вышло не так. Пленник же, пока он не продан, не раб. Стало быть, настанет время – и стану я наравне со всеми фризами и их вождем.

С тех пор греб я на их корабле.

На двух снелках у торговцев было едва ли более полусотни

людей, не считая нескольких рабов с острова Эйре. Второй корабль вел родич Тригвальда Колгрим, человек молодой и горячий, не раз водивший своих людей в битву. Впрочем, сражались фризцы редко – только если кто-нибудь посягал на их жизнь и добро, или когда они сами продавали за серебро свою силу и оружие. У них даже корабли были не боевые, а те, которые называют круглыми оттого, что похожи они на большие деревянные лохани. Настоящие ладьи викингов узкие, длинные, острогрудые, похожие на страшных морских змеев – недаром их называют драконами. Такому кораблю все равно в какую сторону идти – назад или вперед – потому что и нос и корма у них одинаковые. Одна разница – спереди во время похода надевают на штевень голову дракона, в которой обитает дух жертвенного животного – охранителя корабля. Когда ладью спускают на воду, непременно приносят жертву богам, чтобы ее душа вселилась в голову морского чудовища и навела страх на враждебных богов. Когда же корабль плывёт домой, голову снимают и прячут под палубу, чтобы не распугать добрых духов своей страны.

У фризов такой головы не было.

Корабли торговцев до краев были загружены товаром – в основном тюками с солью и кожей. Все это Тригвальд думал обменять на Востоке на зерно и дорогие украшения. И я плыл вместе с ним, толком не ведая, кто я – воин-купец или, не выкупленный пленник.

Тот, кто не сидит на ладье за веслами, не может называть-

ся воином. Настоящий воин гребет в походе сам – только тогда он и вправду один из морской дружины. И мы все, растирая ладони в кровь, гребли без остановки, оттого что на море часто падал штиль, и лишь мертвая зыбь катилась от горизонта к горизонту.

Я сидел за веслом с человеком по имени Орвар. Кажется, он один из фризов был со мной дружелюбен.

Орвар был не старше моих лет, высок, статен, и в руках его таилась сила десяти человек – я видел, как вздувались под загорелой кожей его железные мускулы, когда он сменял меня у гребного люка. На шее он носил ожерелье из зубов акулы, а на поясе – длинный нож. Фризы его уважали и даже побаивались. Я видел. А что за человек был этот Орвар, тогда я еще не знал.

Вот так и шли мы день за днем по бескрайнему морю, а ветер и судьба гнали наши корабли все дальше на восток.

На двенадцатый день мы достигли Поморья, и Тригвальд решил извлечь из ножен кровавый меч войны. Мы прошли вдоль прусских берегов, опустошив селения и взяв добычу. А потом наш вождь надолго задержался в Себорге, торгуя захваченными в бою рабами.

После мы миновали Саарему и вскоре море осталось далеко позади и. Тригвальд повернул свои корабли к финским берегам, в устье реки, соединявшей соленую воду с большим и глубоким

озером, северный берег которого назывался Кириаланд а

южный – Гардар. Хозяйничали там разные люди – и пришлые заморские гости, и местные племена. А торговля в тех краях была богатая – знал ведь Тригвальд – купец, где выгоднее продать свой товар!

Другие грезы и мечты

Волнуют сердце славянина:

Пред ним славянская дружина,

Он узнает ее щиты...

А.С. Пушкин.

Озеро возникло перед нами неожиданно, полыхнув сквозь мохнатые лапы елей словно огромное серебряное зеркало. Дико и пустынно было вокруг, только чайки с криком носились над водой, задевая крылом волну, да в камышах среди черных коряг раздавалось кряканье уток.

Над озером разгорался рассвет, и первые лучи солнца, разгоняя ползучий туман, зажигали червонным золотом гладкое, еще не проснувшееся зеркало вод, когда наши ладьи черными воронами вынырнули из сырой полумглы в яркое сияние летнего утра.

За бортом плескалась волна. Нагибался вперед, налегая на весло, и все остальные делали то же самое. А потом гребцы откидывались назад – и весла взлетали кверху, разбрасывая изумрудные осколки волны. И так без конца.

Фризам помогала грести древняя, как море и небо песня.
И Тригвальд тоже пел, орудуя веслом наравне со всеми:

Мы шли сквозь бурю
на дальний запад,
ревели ветры
и рвали парус,
взрывая волны,
скрипели весла.
Мы ищем битвы,
мы ищем крови,
и смерть в сражении
для нас награда.
Кричали чайки
над бездной моря,
ревели волны
подобно турам.
В обитель мертвых
спешат герои,
и гибель в битве
для них награда.

Я слышал эту песню прежде – так поют датские воины,
когда их морские кони весело спешат к месту боя.

Враги бежали

от острой стали
мечей и копий,
секир тяжелых.
Что есть на свете -
возьмем мы силой!
Не станем в поле
пшеницу сеять!
Добудем счастье
мечем в походе,
и нашу доблесть
прославят скальды.

Корабль шел навстречу восходящему солнцу, и оттого казалось, что наши весла опускаются не в воду, а в расплавленный драгоценный металл.

Лес местами вплотную подступал к берегу, и внизу, у корней деревьев все еще синели редкие клочья тумана. Солнце медленно взбиралось на небо, разбрасывая золото по вершинам сосен. Чайки тонули в небесной синеве, и только их пронзительные крики неслись с высоты и разбивались о безбрежную гладь озера, сливаясь с плеском волн и походной песней торговцев.

Мы ищем крови,
мы ищем битвы,
придем с мечем

на чужие земли,
сожжем в огне
города и замки,
себе возьмем мы
рабов и золото.
Наградой будут
за доблесть нашу
прекрасных пленниц
любовь и ласки.
Для нас сражение -
веселый праздник,
нам блеск железа
всего дороже,
нам кровь убитых -
хмельной напиток!
Зовут нас в битву
рога и трубы,
а вдалеке
уж синее море...

В песне было еще много слов о несущих смерть стрелах, о пролитой крови, о летящих к чужим берегам кораблях-драконах и о сиянии глаз светлоликих и златокудрых северных красавиц, которые ждут возвращения викингов из далеких морских походов...

Там, на севере, среди молчаливых скал Уппланда меня не

ждет никто. А если и ждет, то не дождется. Никто больше не вскрикнет громко и радостно: " Викинги! Вернулись викинги!", и волны прибоя не подхватят и не понесут этот крик. И никогда больше девушка в снежно-белом платье, в спешке позабыв заплести свои тяжелые золотые косы, не выбежит на берег, чтобы, стыдливо опустив глаза, поднести мне полную чашу хмельного напитка...

И я, погрузившись в тяжелые думы о прошлом, сильнее налег на весло, уже не слушая слов песни.

Где мы прошли,
только дым пожарищ
и реки крови,
в бою пролитой.
Рыдают вдовы
в чужих селеньях
и груды мертвых
в полях чернеют...

И в этот самый миг песня оборвалась, потому что на зеркальной глади озера внезапно возник кроваво-красный дракон. И почудилось мне в тот миг, что выплыл он прямо из глубины студеных вод, оттого что против солнца никто не разглядел, откуда он появился!

Это был настоящий дракон – узкий, длинный и зловещий. И змеиная голова страшно скалилась на форштевне. Только

парус был не полосатый, а белый, словно первый снег в горах.

Тригвальд отпустил весло и высоко поднял руку. И наши корабли остановились, хотя до того не видывал я случая, чтобы два снека уступали дорогу одному! Не знаю, правильно ли сделал наш предводитель, да только я промолчал. Говорят, мудрость приходит с годами, а Тригвальд был почти вдвое старше меня.

Красный дракон тоже замедлил свой стремительный бег и с его палубы громко и сердито прокричала боевая труба. Торговцы настороженно ждали, что будет дальше, и многие держали руки на топорах.

Между тем неведомый корабль приблизился к нам на расстояние голоса, так, что можно было сосчитать сверкающие острия копий над неподвижной стеной щитов. И я сказал вису:

Достиг дракон Улей ясеня
поля игры валькирий.
Пусть всемогущий Гримнир
победу дарует храбрым!
Рыбы бурана лезвий
в вихре Гёндуль прославят
и приведут в Вальхаллу
стражей костра морского!

А потом я присмотрелся повнимательней и прямо задохнулся, едва не выпустив из рук весло. Ведь не простой дракон стоял нынче перед нами, потому что вместо полукруглых шлемов северян над стеною щитов разглядел я островерхие шлемы славянских ратников!

Сердце ухнуло у меня в груди и застучало кузнечным молотом. Что-то – будто застоявшаяся мутная вода – всколыхнулось во мне и затопило меня изнутри, словно волна прибоя.

Видно, я сильно переменялся в лице, потому что Орвар долго и пристально посмотрел и сказал тихо, вполголоса:

– Уж не испугался ли ты битвы, Эрлинг-скальд?!

Я усмехнулся, но ничего не ответил, потому что громкий голос с красного корабля прокричал на языке свеев:

– Кто вы, викинги, и куда идут ваши ладьи?!

Это говорил воин в сверкающем шлеме и пурпурном плаще – видно предводитель, а его воины неподвижно стояли вдоль бортов, высоко подняв щиты, и железо в их руках отражало яркий свет солнца.

Наш вождь не стал медлить с ответом.

– Имя моё Тригвальд, а это моя дружина. Мы торговцы из Фризланда, и наши ладьи идут с миром!

– Мне неведомы твои истинные намерения и я не знаю, что делаешь ты среди вод нашего озера. Кто подтвердит, что ты не друг моих врагов?

– Мне все равно, чья это вода, – сказал Тригвальд, хмурия

брови, – хоть и не слышал я до сих пор, что текучие волны можно поделить так же, как землю или звериные шкуры. И не стану я с тобой говорить прежде, чем ты назовешь свое имя.

Молодой воин гордо выпрямился и опустил руку на рукоятку меча. Теперь-то я разглядел, что был он много моложе меня, хоть и водил за собой дружину и целый корабль.

– Имя мое Вадим, – проговорил он высокомерно, – и берега Нева -моря содрогаются, слышав его!

Нево-море – так звали это озеро местные племена. Оно ведь и впрямь было велико, словно море!

Да только Тригвальду до того дела не было.

– Не слыхал я твоего имени до сей поры, – молвил наш вождь, – и не знаю, так ли уж велика его слава.

– Напрасно ты затеваешь со мной ссору, викинг, – проговорил молодой славянин -потому что сила не на твоей стороне!

– А разве на твоей? – Усмехнулся Тригвальд, и многие тогда подумали, что без битвы нам не разойтись.

– Не спорь со мною, гость! – в голосе Вадима зазвучала угроза, – И лучше бы тебе и твоим людям сложить оружие и следовать за мной в славный город Ладогу. Потому что со мной на корабле полсотни отважных воинов и столько же ждут меня в лагере вон за тем леском!

Все поглядели туда, куда указывал рукою молодой славянин и увидали над соснами выющийся к небу тонкий дымок

от костра.

Долго ли еще говорили между собой наш вождь и предводитель славян, я рассказывать не стану. Под конец же Тригвальд сказал:

– Мы пойдем за тобой лишь потому, что не к чему нам лить попусту кровь. Я дорожу своими людьми и своим товаром, а с тобой мы договоримся.

После того Тригвальд, Колgrim и еще некоторые фризы без оружия перешли на Вадимов дракон. Я был в их числе, и одним из первых стал свидетелем хитрого обмана.

За приставленными к бортам щитами никого не было. На всем корабле Вадима набралось едва ли полтора десятка воинов, а сам корабль был немало потрепан то ли в битве то ли в большой буре, ещё четверо славян дожидались нас на берегу у костра, в том месте, где над соснами курился дымок.

Вот так случилось, что ничтожный отряд хитростью взял в плен и привел в свою землю два корабля с немалым числом людей.

Славен ты, город Ладога! Сто тысяч дорог ведут к тебе со всех концов мира и по тем дорогам идут-спешат к тебе заморские гости из разных земель, торопятся на твой великий торг! Слышал я про то много раньше. И про то еще слышал, что нет торгового богаче во всех землях, что вокруг лежат.

Кого только не увидел я в славной Ладоге! И карелы, и

литвины, и финны разные, и гости из дальних стран, и славян от многих племен – не перечесть. Говорили даже, что торгуют здесь купцы из самого Миклагарда – Царя городов, что стоит в самом центре мира.

Торговали кто чем. Славяне – те больше мехом, медом да зерном, гости с востока – тонкими тканями да добрым железом, меняли свой товар на славянских рабов. Северные же гости – вроде нас – что пришли из страны льда и камня, где нет ничего, покупали здесь всякое добро, чтоб везти к себе за студеное море.

Вот каков он был, город Ладога, которым зовут на севере Альдейгюборгом. Нет ему равных – ни здесь, ни во всем Поморье!

Пока мы плыли, пока подводили к пристани тяжелые сненики, я успел хорошо разглядеть и город, и крепость, и все вокруг.

Ладога широко растянулась по берегу, сбегая к воде толпами многоликих домов, которые полукругом охватывали торг и большую бревенчатую пристань. Разные были эти дома – богатые купеческие, победнее – иных горожан. А кроме них еще – усадьбы, окруженные частоколом, похожие на маленькие городки.

А выше всех, на высоком обрыве, там, где в озеро вливалась река, стояла крепость, подобна большому черному утесу.

Над пристанью и над торгом стоял неумолчный людской

гам. Скрип телег мешался с мычанием коров и ржанием лошадей, и со всех сторон раздавались крики купцов, выхватывающих свой товар или бранящихся друг с другом. Все говорили разом, все на разных языках, и все понимали друг друга. Такого не видел я даже на большом торгу в Скирингссале, где мы с Тормундом прежде продавали взятых в бою рабов.

Тригвальд вместе с Вадимом отправился в крепость, нас же на берег не пустили и оставили под охраной на кораблях. Оружие у нас отобрали и перенесли на Вадимов дракон, а из крепости пришел большой отряд лучников, так что едва ли мы могли что-либо сделать для своего спасения.

А поздно вечером к нам воротился Тригвальд с известием, что правители славян – Станимир и Гостомysl – велели вернуть нам оружие и позволили торговать. Правда, до рассвета мы должны были оставаться на кораблях под приглядом вадимовых лучников – мало ли что.

Фризы раскинули на своих кораблях шатры и собрались спать, Я же не захотел оставаться с ними и выбрался на воздух, чтобы поразмыслить о том, что случилось с нами в тот день.

Ночь погасила пожар заката и зажгла вместо него мерцающие огоньки звезд. Душная темнота затопила все вокруг.

Мне не спалось.

Недобрые мысли ходили вокруг меня. Я сел на борт корабля и сидел так, не шевелясь целую вечность. И смотрел,

как дрожат в черной воде отражения звезд, и камень у меня на сердце становился все тяжелее.

...В далекой стране богов, у корней мирового дерева ждут три безмолвные девушки – норны и прядут священную пряжу людских судеб. И мотается с клубка нитка жизни, и проходит жизнь по воле бессмертных богов...

Я был викингом восемь зим и редко думал о том, кто я на самом деле. Но воля богов бросила меня вновь сюда, в землю моих предков, и мне вдруг захотелось бросить все и бежать, бежать в безмолвную печаль ночных лугов, прочь от этих пропахших морем кораблей. Сойти на берег, пройти сотню шагов – и я уже не пленник на корабле фризов!

Но что я найду здесь, в чужой для меня земле я, бродяга, лишенный всего? Да и не пропустят меня славянские лучники – ведь для них я викинг, разбойник и торговец, странник, затерянный среди морских дорог.

Нет, напрасно дрогнуло мое сердце. Боги не оставили мне выбора. Славянская кровь замерзла в моих жилах, стала морской водой. Ведь в жилах викинга течет морская вода – потому что у него нет родины. Его родина – безбрежное море, его дом – острогрудый снегк. Нет у меня ничего ни на этой земле, ни во всём мире,

А потом мне пригрезился скалистый уцпландский берег, колеблющийся в синеватой дымке – словно смотрел я на него с палубы плывущего по волнам дракона. И там, на самом верху, где цеплялись корнями за камни истерзанные ветром де-

ревья, виднелось сквозь сизый туман легкое белое платье...

Я любил девушку по имени Оддрун, и она меня любила не менявшее. Хотя викинги часто привозили себе женщин из-за моря, я выбрал ее. Всякий раз она приходила на берег, чтобы проводить викингов в далекий путь, и всякий раз первой встречала их, едва паруса драконов поднимались из-за морских вод. И я знал, кого искали ее золотистые глаза на палубе нашего снекка.

Отца ее звали Йормунд, и я понес ему свадебный выкуп – три марки серебра. И велика была моя обида, когда старый Йормунд отдал свою дочь другому. И Оддрун покори-лась, ибо женщине все равно, кому принадлежать. Был бы я морским ярлом или хоть бы водил за собой десяток людей, то непременно взял бы ее силой. Только боги распорядились иначе.

Больше не придет она проводить меня в далекий поход и не увижу я среди серых камней ее белого платья.

Не знаю, заснул ли я или просто боги послали мне видение, но только одна женщина исчезла и вместо нее появилась другая. Её лицо не было мне знакомо. Она стояла, одетая в бледное сияние, и смотрела на меня синими, как небо, глазами. В руках ее был клубок ниток и, грустно улыбаясь, женщина молча разматывала его » тонкими пальцами. Не ведаю, была ли это сама хозяйка судьбы вещая норна Скульда, или видение обмануло меня...

А потом я очнулся и женщина исчезла, потому что Орвар

сильно потряс меня за плечо.

В ту ночь что-то случилось в крепости на горе. От того-то Орвар и разбудил меня. Я думал, что он спит, но Фриз не спал, как и я, предавшись думам. А может, просто комары не дали ему уснуть.

– Смотри! – Сказал он, указывая в темноту.

Я увидел, как на стенах крепости вспыхнули смоляные факелы и метнулись к воротам. А потом ветер донес до нас неясный шум, стук лошадиных копыт и приглушенный гул множества голосов. И вдруг все разом стихло, только факелы на стенах продолжали гореть и в их свете колебались неясные тени...

А наутро фризам все-таки разрешили разложить свой товар, только глаз с них по-прежнему не спускали. В городе все было по – прежнему, и я начал думать, что мои ночные видения были всего лишь кошмарным сном.

Тригвальд со своими пошел на торг под приглядом славянских лучников, а я остался с теми фризами, что вместе с Колгримом сторожили корабли.

Торговцы занялись починкой паруса, а я сел в стороне на корягу и сидел так, задумчиво ковыряя палкой песок. Колгрим крикнул, чтобы я шел помогать, но, увидав, что я даже не пошевелился, оставил меня в покое.

И тут я подумал: толку-то, что Тригвальд взял меня на: корабль и вернул мне меч? Идти мне все равно некуда, а торговать вместе с фризами я не хочу. Не умею я торговать –

взвешивать на весах кусочки серебра, спорить с купцами о цене да рыскать по морям от одного торгового пункта к другому. Недостойное это дело, не к лицу оно настоящему мужчине. Зачем же мне тогда и дальше оставаться с фризами? Я не покупал, не продавал и кошелек мой был пуст. Ту небольшую добычу, что удалось взять, когда мы разбойничали в Поморье, я разделил на две части. Одну зарыл в песок, чтобы это серебро вернулось ко мне после смерти, а другую бросил в море, в жертву богам. Но мои боги не услышали меня.

Что ж, у них есть дела поважнее, и моя беда им не в тягость.

Над городом клочьями сизого дыма ползли облака, а вдалеке, у самого края неба громоздились одна на другую черные грозовые тучи. И там, в вышине, над пустыми полями глухо ворчал гром: это Тор сын Одина ударял каменным молотом по небесной тверди, пробуя свою силу.

Я встал. Я не мог больше сидеть здесь и ждать неизвестно чего. Ветер швырнул мне в лицо душный запах трав и цветов, бесконечных лугов и тенистых рощ. Но пахли эти рощи и луга чем-то чужим, незнакомым, словно пришел я в неизвестную заморскую страну. Да так оно и было.

Фризы возились возле своих кораблей, и им не было до меня никакого дела. Сверху, из города доносился шум – там торговля, там были Тригвальд и его люди.

Постояв, я повернулся и пошел прочь от берега, от горы, от всего. Куда? Едва ли я ведал сам. Если у человека нет

дома, то ему все равно, куда идти. Ибо нет разницы в том, где обретет он себе пристанище.

Я был один – пришелец в чужой стране. У меня не было ни родичей, ни друзей, ни вождя. Таких, как я, немало – они скитаются по свету, не ведая пути, подобно тому, как по волнам океана блуждает ледяная гора.

Я чурался людей, сторонился их. Увидав впереди лес, я свернул с дороги и углубился в гущу деревьев, где царил сырой и душный полумрак. Солнечные лучи не проникали сюда сквозь тесно сплетенные ветви, и даже в самый жаркий день здесь не было тепла и света. Запахи гнили, прелой листвы и грибов прогнали прочь жаркое дыхание пшеничных полей. Но здесь, среди замшелых вековых стволов я чувствовал себя лучше, чем под открытым небом.

Я шел наугад. Тяжелый меч больно ударял ножами по негам, и вскоре я пожалел, что не оставил его на корабле. Порывы ветра раскачивали верхушки деревьев, и те издавали однообразный глухой шум.

И вдруг впереди мелькнули что-то очень похожее на человека. Невольно схватился за меч, но тут же опустил оружие. Передо мной, притаившись в сырой тени, стоял идол.

Я облегченно вздохнул и пошел было дальше, но тут же остановился снова. Сердце мое наполнилось священным трепетом, и некоторое время я не мог даже пошевелиться.

Я увидел капище. Неведомые дровосеки вырубili лес под корень, освободив посреди чащи большую поляну. По-

сле ее обнесли частоколом, а внутри поставили идолов. Они и сейчас стояли там – восемь кривобоких, корявых столбов с потемневшими от времени ликами. Девятый, опрокинутый, лежал рядом на земле.

Это было старое святилище, где славяне молились и приносили жертвы много лет. Но теперь о нем позабыли – частокол наполовину сгнил и местами повалился, идолы покосились и почернели.

Два камня-оберега, похожие на присевших на корточки воинов, сторожили вход. Сделав рукой охранительный знак, я осторожно прошел между ними и остановился.

Посреди поляны рос огромный тысячетный дуб, который пощадил топор дровосека. Обхватить его вряд ли смогли бы и полтора десятка человек. Из-под самых корней изливался звенящий ключ, обтекая подножие каменного идола Перуна – бога грозы и войны. Перед Перуном стоял большой плоский камень-жертвенник – прежде на нем неугасимо горел священный огонь.

Остальные боги без всякого порядка толпились вокруг – одинаковые, словно сосновые чурки, так что я даже не мог разобрать кто есть кто, Все они были деревянные.

Я провел рукой по шершавому замшелому боку идола. Из-под пальцев посыпалась труха. Кто знает, сколько они здесь стоят? Сто лет? А, может, двести?

Боги были старые, позеленевшие от мха и плесени, с ног до головы увитые гирляндами плюща. Их суровые лики по-

темнели от дождей и ветров, но глаза смотрели по-прежнему зло и угрюмо, словно хотели испепелить взглядом меня, пришельца потревожившего их покой.

Поблизости нигде не было видно ни тропы, ни дороги, а внутри ограды все заросло травой молодыми побегами дубняка. Запустение царило здесь, в жилище древних богов. Омертвление, длящееся веками.

Я прислонил меч к жертвеннику и, наклонившись к ручью, зачерпнул воды. Вода была холодна, как лед.

Я не донес ее до губ – рука моя остановилась на полдороге и сам я замер, стоя на одном колене. Ничего не изменилось вокруг, но я вдруг почувствовал, что я здесь не один. Я явно ощущал присутствие чужака.

Я вдохнул воздух, прислушиваясь к запахам. Кто-то притаился здесь среди древних славянских богов. И я знал: это был не зверь. Это был человек!

Я выпрямился и, пристальным взглядом обшарил пустую поляну. Ничего – лишь все так же хмурятся суровые лики богов да шепчутся, обнимаясь, колеблемые ветром травинки.

– Кто здесь?! – Крикнул я, наполовину обнажив меч.

Ни звука. Но всем своим существом я ощущал на себе чей-то пристальный взгляд.

Мне стало не по себе – чем-то нехорошим веяло от этих замшелых истуканов. Уж не древние ли боги или духи леса, чье обиталище я потревожил, следили за мной из сумрачной

чащи? В другое время я рассмеялся бы в лицо всякому, кто вздумал бы сказать мне об этом. Но сейчас...

Лес звенел голосами тысячи птиц, и в этом неумолчном гаме я не мог расслышать отдельные звуки.

– Я Эрлинг сын Тормунда, – громко произнес я, – говорю тебе, пришедший без зова, выйди и покажись!

Говорил я на языке свеев, и велико было моё удивление, когда чей-то голос на том же языке спросил:

– Чего ты хочешь, викинг?

Я даже попятился от неожиданности. Я никого не видел перед собой, и холодок пробежал у меня по спине. Ибо голос прозвучал будто из-под земли. Или из каменного чрева Перуна?..

– Кто это сказал? – Спросил я.

– Какая разница? – Помедлив, отозвался голос. Теперь, вслушавшись, я понял, что говорить это могла только женщина. И все же я не решился сдвинуться с места.

– Что же ты замолчал? – Спросил невидимый собеседник. – Или испугался?

– Ты смеешь говорить викингу о страхе? – Зло ответил я. – Говори, чего тебе надо!

– Это ты меня спрашиваешь? Да ведь ты сам позвал меня, Эрлинг Тормундссон!

– Кто ты? Лесной дух?

В ответ послышался смешок, и я почувствовал, как во мне закипает гнев. Нет, духи так не говорят. Здесь прятался че-

ловек! И я сказал:

– Если ты тролль или дверг, то лучше сгинь. А если человек – выходи, не дразни меня!

– Ладно, я выйду. По думав, согласился голос. – Только обещай, что ты не тронешь меня.

Это было уже слишком!

– Клянусь кольцом Фрей и молнией Тора, – гневно произнес я, – что разобью твою голову о камень, если ты не прекратишь издеваться надо мною! Выходи!

Порыв ветра прошел по вершинам деревьев и затерялся в глухой чаще, унеся прочь мои слова. А потом я невольно вздрогнул и пригнул голову, потому что тяжелый раскат грома прокатился прямо надо мной, и молния полыхнула, сине-белым клинком пронзая небо.

– Я здесь! – Сказал голос.

Гром прогремел снова, и в воздухе запахло дождем, и листья

затрепетали, испуганно перешептываясь на своем никому не понятном языке – видно, Тор-громовержец выводил из стойла своих чернобоких баранов, чтобы впрячь их в свою колесницу и вихрем промчатся над миром, рассыпая огневые лезвия молний.

Я опомнился только спустя мгновение и тут же снова потерял дар речи. Передо мной стояла девушка. Невысокая, стройная, и волосы золотыми волнами рассыпались по ее узким плечам. Ночное видение вновь всплыло в моей памяти,

но тут же рассеялось, ибо эта девушка мало была похожа на ту, что явилась мне во сне.

– Ты кто? – Опомнившись, быстро спросил я.

– Я та, кого ты позвал. – Ответила девушка. Она стояла, искоса глядя на меня, словно готовая умчаться прочь дикая лань.

– Не бойся. – Сказал я, убирая оружие.

– Да? А мне казалось, что это я тебя испугала. В этот миг небо загудело, словно колокол, и тут же над лесом, словно огромный многоглавый дракон, выросла грозовая туча.

– Будет дождь. – Ни к кому не обращаясь, сказала девушка.

– Что ты делаешь здесь? – спросил я.

– Это ты что здесь делаешь? У

то мое место!

– Послушай, красавица, – примирительно заговорил я, -я уже назвал свое имя. Теперь твоя очередь.

– А никто не просил тебя называться! И вообще, нечего было меня звать!

Новый удар грома – еще сильнее предыдущего – грянул над лесом. Я посмотрел на девушку и сказал вису, которую сложил тут же:

Дивная Скади злата
кроется в листьях дуба.
что же ты ищешь, дева,

В ночи лесного мрака?
Опора недруга турсов
сравнится с тобой едва ли.
Зачем же ты избегаешь
Ньорда игры железа?

– Так ты еще и скальд, Эрлинг Тормундссон! – Усмехнулась девушка и в глазах ее зажегся ехидный огонек.

– Но слушай, красавица, – сказал я, – не довольно ли? Больно уж странен наш разговор.

– А я вообще не хочу с тобой разговаривать. И не называй меня красавицей, потому что я урод! Понял? И уходи отсюда! Это мое место!

И снова со страшной силой ударил гром. И тут же редкие, но крупные капли дождя застучали по листьям векового дуба.

Глупо было вот так стоять и мокнуть. Я и вправду собрался уже уйти, но потом остановился и оглянулся назад. Девушка стояла на том же месте, с лукавой усмешкой глядя мне вслед.

– Намокнешь, красавица, – сказал я. И, подумав, добавил: – Хочешь, дам тебе свой плащ?

– Обойдусь. Тебе-то какое дело?

– Не знаю.

Я сделал шаг к ней, но девушка поспешно отступила назад.

– Не подходи! – сказала она, а глаза ее смеялись. – Я тебя боюсь.

Я сделал еще шаг, но тут откуда-то из-за деревьев, видно, с берега реки, порыв ветра донес надрывное хрипение боевых труб, захлебнувшихся в струях дождя.

Я настороженно вскинул голову, вслушиваясь в заглушенные ливнем звуки. На девушку я уже не глядел, а когда обернулся – ее уже не было. Тогда, не медля больше, я побежал к кораблям.

Я поспел на берег как раз ко времени – когда из мглстой дождевой круговерти в устье реки вынырнул дракон, черный, как грозовая туча. Вот отчего исступленно трубили трубы, заглушая собой громовые раскаты! Издали, видать, завидели дозорные с крепостных башен неожиданного черного гостя! А что был то за гость, узнал я скоро от других людей.

Дождь перестал под вечер, к вечеру пришел к нашему кораблю послом от Вадима человек по имени Харвард из Кунунгахеллы. Сперва он хотел купить у Тригвальда кольчугу. Посмотрел несколько кольчуг, кольчуги ему не понравились.

Тригвальд все пытался спихнуть гостю что-нибудь из своих товаров, да того, видно, мало что интересовало. Посмотрел гость кольчуги – стал смотреть мечи.

А лотом он сказал, словно бы между прочим, пробуя ладонью острие тяжелого рейнского меча:

– Зовет тебя славный Вадем-ярл в терем на пир со всей твоей дружиной. Он велел сказать, что пришлет за тобой че-

рез два дня. А до тех пор дозволено тебе и твоим людям со всеми товарами перейти с кораблей на гостинный двор и торговать в Альдейгюборге беспрепятственно.

– С чего вдруг ласка такая?– Настороженно спросил Тригвальд.

.Харвард полюбовался еще игрой света на широком лезвии и стал спрашивать Тригвальда о каких-то кораблях, и стал описывать те корабли по парусам да по резьбе на бортах.

– Не встречал я на озере таких кораблей, – отвечал фриз, – и не возьму я в толк, с чего ты меня обо всем этом расспрашиваешь.

И стали тогда они говорить еще, а я стоял, согнувшись у борта, и слушал их разговор. Вот тут-то я и услышал я впервые имя, что после прогремело подобно грому – Хрёрек.

А говорили Тригвальд и наш вождь о том, что случилось в те дни в стране Гардар, и о том, что видели мы с Орваром минувшей ночью!

Девять закатов назад грозный Хрёрек-конунг на трех кораблях прошел вдоль славянских берегов и напал на поселения восточнее Ладоги. Уведал о том Вадим и пошел против Хрёрека на шести кораблях. Да не судилось ему удачи. Лишь на одном корабле воротился он из похода. Тогда-то мы и встретили его, достигнув Нева-моря!

А в то же время храбрый вождь Оле сын Ингвара собирал дань с племен для славного Эйрика конунга Упсалы. И вот в одном месте старейшины решили не дать ему серебра

и звериных шкур, потому что пришлось им перед тем откупиться от могучего Хрёрека. Самый главный из них по имени Твердислав подговорил всех своих взяться за оружие. А за подмогой послал все к тому же Хрёреку, которому много раз платил дань. И вот когда Оле явился к ним с половиной своей дружины, Хрёрек и Твердислав напали на него в лесной чаще. Упplадцы полегли все до единого, а голову их вождя Твердислав велел положить в мешок и отослать остальным – тем, что дожидались на берегу. Побратим Оле Хокон, получив страшный дар, в ужасе бежал с поля боя, даже не показав оружия.

Все бы хорошо, да только вскоре пришел на Нево-море большой флот уппсальских викингов и стал жечь и грабить славянские и финские берега в наказание за то, что было сделано Твердиславом. Минувшей ночью весть о том принесли в крепость посланцы из тех: земель, вот и подняли там тогда тревогу.

А нынче на черном, как смоль, корабле прибыл посол от северных вождей по имени Атле-Змея – за своих убитых вергельд требовать. Оттого спорили меж собой теперь правители Ладоги, что им делать и как беды избежать. Старый Гостомысл говорил, что Хрёрека надо звать в помощь. Вадим же того не хотел – сам решил собрать войско и дать отпор гостям незванным.

Тут-то и стало ясно, зачем явился к нам Харвард. Видно, думал Вадим фризов к себе звать в дружину. Да только Три-

гвальд наш с ответом спешить не стал, так и ушел гость от нас ни с чем обратно в крепость.

А о разговоре том в тот же вечер я рассказал Орвару. Он слушал меня внимательно, а потом поведал мне все, что в тот день узнал о Хрёреке и о Харварде-ярле.

Вот уж поди сотню лет смотрится в синие воды Нева-морья славный город Ладога. Никто ныне не помнит, как когда-то взрезал острой грудью береговой песок длинный корабль-дракон и в первый раз викинг в медвежьей шкуре соскочил с его палубы на эту землю. Славяне здесь еще в те времена не жили – пустынной была эта страна, к лишь кое-где встречались у берегов финские поселения.

Победив финнов, построили пришельцы-северяне над рекою Мутной свою крепость и собирались там для очередного похода. Потом стали торговать – и вырос город. И сидел в том городе могущественный северный конунг со своей дружиной и собирал дань с окрестных земель.

Между тем подошли с юга славянские племена и поставили их вожди выше по реке, на Ильмень-озере свой город. И начались раздоры у них с гостями заморскими.

Последним сел в Ладоге Льотбард-конунг с братом своим Годлавом, а славяне сообща ополчились против него. Снарядили они рать и послали на Ладогу своего вождя Буриvoja. Льотбард же созвал себе в помощь многих ярлов и развеял по ветру всю их грозную силу. С той порты откупались от него славяне ежегодной данью.

А когда умер Буривой, появился на море Нево новый гость – Хрёрек. Сидел он прежде далеко, где-то на Ругене или еще дальше, на Фризских островах. А после то ли свои его выгнали, то ли ссора у него вышла с данами и свенами – да только пришел он на Нево-море чужой земли искать. И пришел не один, а с большой дружиной – сто сорок кораблей за собой привел!

Сначала будто бы был у него уговор с Льотбардом против славян и свеонов – что станет он, Хрёрек, город его от врагов защищать, а за то будет получать третью часть дани с окрестных земель. А потом стало Хрёреку той части мало, и ополчился он против Льотбарда.

Пришел он к городу Ладоге с великой силой и раскинул шатры над рекою Мутной. Четыре лета назад это было – люди помнили.

И совсем худо пришлось северянам, оттого что ладожане поначалу все встали за Хрёрека. Сам Льотбард заперся наверху, в крепости и послал к славянам просить помощи. Те же убоялись Хрёрека и, собрав рать немалую, пошли в ладьях к славному городу Ладоге. Хрёрек же – тоже в ладьях – вышел навстречу. И вот как дело было.

Около Ладоги река узкая и вся в порогах – место трудное. Словене -они в поле больше горазды воинствовать – побоялись идти дальше, остановились. И совсем бы одолел Хрёрек, да ладожане вдруг заупрямились, на славян идти не захотели. А тут еще и Льотбард со своими вышел из крепости

и ударил по нему сзади.

Хрёрек смекнул, что запахло жареным, собрал своих и убрался прочь. А славяне смекнули, что теперь под шумок можно и от Льотбарда отделаться, пошли на Ладогу и взяли город. Льотбард и вся его дружина полегли в бою, а ладожане избрали себе правителем Гостомысла сына Буривоя и стали сами по себе править. А Хрёрек за море ушел и посылал оттуда свои корабли на ладожские берега за данью. И не он один. Оттого-то приходилось ладожанам звать на службу людей заморских – таких, как тот Харвард, – чтобы и от северян отбиваться и своих соседей близко не подпускать. А старшим над всеми этими людьми был князь Вадим, мне уже знакомый.

Вот как дело было. а как будет дальше, я не ведал.

На другой день мы перетаскивали товар с наших кораблей на гостинный двор – так надежнее. На берегу всякое может случиться, а там, в крепости держать свое добро всегда спокойнее.

Шли мы через город вверх по склону, и сопровождали нас отроки из славянской дружины, которых прислал нам в помощь князь

Вадим. Когда мы одолели половину дороги, я оглянулся и увидел на другом берегу – крутом и обрывистом – выходящие из-за леса островерхие крыли.

– Что это? – Удивился я. – Там тоже город? Отрок-славянин, шедший рядом, ответил:

– На той стороне усадьбы воевод, что служат славной Ладоге. Вон в той живет Рагнар-хозяин. Еще его отец его в Ладоге жил.

– А кто он, этот Рагнар?

– Знатный муж, воевода., У него своя дружина и корабль.

Больше расспрашивать я не стал и удовольствовался тем, что услышал. а потом и вовсе стало не до разговоров, потому что вошли мы в крепость.

Дом для заморских гостей был велик непомерно, и селились там люди разные, и всем места хватало под крышей.

Мы с Орваром поместились в углу за кожаной занавеской, где прежде держали зерно. Тригвальд велел перетащить туда мешки с солью, а мы навалили на них соломы и стали раскладывать свое добро. Орвар сразу вынул из мешка сыр, хлеб и вяленую рыбу, а после достал топор в кожаном чехле.

– Что это?– Спросил я. Прежде мне не доводилось видеть у чего это оружие.

– Секира,– сказал фриз,– самая лучшая секира. Второй такой не отыскать ни по ту сторону моря ни по эту.

Он расстегнул чехол и протянул оружие мне. Гладкая длинная рукоять удобно легла мне в ладонь и как будто вросла в нее. Я ценил хорошее оружие – повидал его на своем веку немало, но такое видел впервые. -

Секира была тяжела, очень тяжела – такую, пожалуй, не всякий поднимет одной рукой. Двустороннее лезвие – в три ладони с каждой стороны – было густо смазано медвежьим

жиром, чтобы ржа не источила добрую сталь.

Если есть на свете что-либо верное и надежное, так это боевое оружие – уж оно-то не предаст и не обманет. Я представил, как взблескивает в гуще боя широкое стальное лезвие и даже замахнулся пару раз для пробы.

– Эту секиру, – сказал Орвар, – выковал для моего деда горбатый карлик. Её всегда брали только в большие битвы и не тревожили по пустякам. Уже шесть зим не пробовала ока человеческой крови.

– Это доброе оружие, – сказал я, отдавая топор.

– Да, – кивнул фриз, – на ее лезвии нет ни одной зазубрины. Смотри, вот здесь выбиты руны. Это ее имя – Херья. Она недаром носит имя одной из валькирий, ибо ее появление сулит смерть.

Я посмотрел на секиру еще раз и отвернулся. Отчего-то вдруг мне стало неприятно на нее смотреть.

День прошел, и следующий день клонился к вечеру, фризы опять с утра, торговали, а я пошел к реке и дальше – в лес. И не куда-нибудь, а все к тому старому капищу, куда забрел в прошлый раз. То ли сила древних богов была столь велика, то ли думал я вновь увидеть ту девушку...

Я долго ходил вокруг идолов, заглядывал в их пустые глаза, потом крикнул, как в тот раз, но голос мой разбился о глухую стену деревьев и вернулся звенящим эхом.

Я сел на поваленного идола и погладил ладонью мягкую

траву. Травинки, ласкаясь, льнули к моим пальцам, нашептывали что-то... Или смеялись? Я их не слушал, Мои мысли летали далеко, кружились и падали, как острокрылые чайки, что рассекают воздух над громовым грохотом прибоя.

Не знаю, сколько я сидел так, глядя перед собой, пока позади не послышались легкие шаги – так крадется лисица, мягко ступая пушистыми лапами по траве, и только шорох прошлогодней листвы выдает ее приближение.

Я оглянулся., Девушка – та самая – стояла в трех шагах позади меня и смотрела с любопытством в серо-голубых глазах.

– Ты снова пришел?– Спросила она, склонив голову набок.

– Ты тоже пришла.

Девушка осторожно присела на корточки, все так же не сводя с меня настороженно-любопытных глаз.

– Я была здесь вчера, скальд,– оказала она. Сказала – и улыбнулась. Хитро так, с лукавым:: искоркам? в глазах.– Я знаю, кто ты. Ты ведь пришел с торговцами, верно?

– Ктоо тебе сказал?

– Не важно. Я видела ваши корабли. Но ты не купец.

– Почему?

– Купцы носят на поясе большой кожаный кошель с серебром.

– Мне не нужен кошель.

– Все равно ты не купец. Я знаю.

– Я вижу, ты слишком много знаешь,– усмехнулся я,– а сама мало что рассказываешь.

Она пожала плечами.

– мели я спрошу,– продолжал я,– ты ответишь?

– Попробуй.

– Как твое имя?

– Ингрид.

~ Ингрид? И все?– Я ждал, что она назовет имя своего отца и местность, в которой родилась. Но она молчала.

– Ты говоришь на языке северного народа. Ты ведь не из вендов, так? Что же ты здесь делаешь?

– Я здесь живу.

Я удивленно посмотрел на нее, а потом подумал – чему удивляться -то? Кого ведь только нет в славном городе Ладоге?!

– А ты?– Спросила девушка.– Откуда ты взялся?

– Издалека. Ты ведь все знаешь.– Усмехнулся я.

– Знаю.– Серьезно сказала она.– Ты из Свеаланда.

– Из Уппланда. Мой приемный отец Тормунд сын Грима был родом из тех мест.

– Где он теперь?

– Пьет пиво на пиру у Одина.

Девушка кивнула и лицо ее вновь стало серьезным. Потом она стала спрашивать как попал я к торговцам-фризам, и я нехотя стал рассказывать о нашем последнем походе и битве с данами, в которой пали все наши воины, а я попал

в плен. Ингрид слушала с интересом, только, казалось, думала о чем-то другом. и говорил без умолку -только бы не молчать— но у меня плохо получалось. А когда я мимоходом вспомнил о недавнем госте Тригвальда, она вдруг переменялась в лице и ее брови высоко взметнулись, словно от удивления.

– Ты знаешь Харварда?– спросила она. И замерла, приоткрыв рот, ожидая ответа.

– Н видел его один раз. Он будто бы на службе у Вадима.

– На службе? – Хмыкнула Ингрид.– У Вадима? Ну-ну...

– А ты? Ты тоже его знаешь?

– Да так, слышала имя,– Отмахнулась Ингрид и заговорила одругом, а я все не мог взять в толк :что это вдруг она вспомнила о Харварде из Конунгахеллы.

А потом девушка выпрямилась и сказала, глядя на меня сверху:

– И пойду.

Я встал и подошел к ней. Она не убежала, не отступила. Даже как-то с вызовом задорно глянула мне в лицо.

– Увижу ли я тебя снова?– Спросил я.

Ингрид прищурила левый глаз и хитро улыбнулась.

– А зачем тебе?

Я не нашел, что ответить. Или не решился?

Она прищурила правый глаз и, засмеявшись, сказала:

– Приходи завтра – может, увидишь.

И опять засмеялась, и побежала к лесу. У края поляны

остановилась, оглянулась, помахала рукой и побежала дальше. Я не пошел за ней – вернулся в город. И не знал, то ли радоваться мне, то ли позабыть обо всем. и думать но хотел об Ингрид, и не мог, и боялся увидеть ее снова.

Хорош был торг в городе Ладоге. Тригвальд доволен был без меры. Да и от чего ему не быть довольным, когда фризы славно торговали, а в тот день распродали почти весь товар., Думал наш вождь через два-три дня. идти обратно в Поморье, чтоб зазимовать где-нибудь в родных местах, всю зиму торгуя славянским зерном.

Вечером же пришли к нам люди от Вадима, чтобы вести час на пир в большой терем. А к тому времени Орвар рассказал мне немало и о Вадиме – все, что в тот день на торгу проведаль.

Отец Вадима Бранимир, родич Гостомысла, был из тех вождей, что проводили жизнь в военных походах, мечем добывая себе золото и славу. Сложил он голову где-то в лесах над рекою Полотью, когда славяне с Ильмень-озера повздорили со своими соседями кривичами. Вадима тогда Гостомysl пригрел, к себе в дом взял. Ладожане же и славяне, и меряне, и вепсы – вскорости поставили его хёвдингом над всеми ярлами, то есть вождем дружины, князем по-ихнему. А военный вождь – первый муж среди славян, только старейшины вольны ему перечить.

Вадим же, земли славянские оберегая, повадился в чужих

воинствовать. И славян-порубежников бил и иных-прочих. Корабль у него был свой, по северному обычаю построечный. Настоящий дракон! Ходил Вадим и в Нево-море, и в Онего-море, и на юг – до самого Кёнугарда. Он и с дружинами викингов, бывало, разбойничал, и гость у них был частый. И боялись его, да только ничего с ним поделывать не могли.

Вот таков он был, Вадим сын Бранимира, ладожский хёвдинг-князь. К нему звали нас пришедшие из терема отроки.

Тригвальд не велел всем фризам идти на пир. Одних он отослал сторожить корабли, других оставил приглядывать за товаром. Так что всего нас пошло в терем только половина дружины.

Ладожский терем был велик, а внутри, там, где стояли пиршественные столы, легко уместились бы оба корабля Фризов вместе со всем их товаром. Перед входом туда все оставляли оружие, кроме ножей для разрезания мяса. Это был древний и мудрый обычай, потому что за столами нередко затевались драки, а порой доходило и до смертоубийства.

Сидя на широких скамьях за столами, полными яств, гости шумели к громко разговаривали, а было их там немало. Видно, со всей Ладоги созвал людей князь Вадим, и много было среди них чужеземцев из разных стран. Кое-кого из них видел я в городе, а кто-то приходил к Тригвальду купить что-нибудь или продать. Были тут и гости славянских земель, и карелы, и финны, и купцы с озера Мегарен, из славного Бир-

ки-города, где приходилось мне бывать прежде.

А в верхнем конце стола, на самом почетном месте сидел Гостомысл, окруженный нарочитыми ладожскими мужами.

Думал я, что увижу воина, грозного ликом и перепоясанного мечем, настоящего конунга-вождя, а вместо того увидел ветхого старика в длинной белой рубахе с широким красным поясом. И борода – тоже белая – спадала на грудь, и лицо – все в бороздах морщин, как кора векового дуба. Только глаза – быстрые и живые – вспыхивали порой ярким огнем.

По правую руку от Гостомысла сидел огромный, как гора, человек в кожаной куртке, какие бывают у мореходов. Вид его был страшен – в плечах косая сажень, кулаки как огромные дубины, а лик суров и мрачен. Был это воевода Станимир.

Вадим сидел по левую руку – в шитом золотом кафтане, с тяжелой гривной на шее.

Младшие дружинники стояли позади. За стол им садиться не позволялось – только подносить да прислуживать.

Стоит ли о том пире рассказывать? Много было выпито и съедено, веселились гости от души, да так, что, казалось стены терема вот-вот не выдержат и рухнут от их топота и шума.

А потом впустили певцов и начались песни. Когда же гуслиеры устали, два отрока привели сгорбленного седого старика. Таких, как он, странствующих певцов гуляло по миру и здесь, и за студеным морем. А пел этот старик лучше всех

других, так и то даже Гостомысл повеселел, его песни слушающая.

Когда же слепого певца увели, случилось так, что смотрела на меня вся Ладога. Потому что Орвар сказал:

– Среди нас тоже есть человек, считающий себя неплохим скальдом!

Гости с интересом оборотились ко мне, и сам Гостомысл велел мне сказать песню.

У меня не было арфы – она навсегда осталась там, где обрели вечный покой Тормунд и его морская дружина. Кто-то из купцов с севера велел рабу принести мне другую. Я взял ее и осторожно попробовал струны – и они отозвались чуть слышным перезвоном.

Тогда я для пробы сказал:

Летите, морские кони
по бурной равнине чаек!
Пускай медведя прибой
Эгира сеть не удержит !

Я хотел продолжать, но струны заговорили по-другому, и мои пальцы пробудили другую мелодию. Слова рождались сами собой, и я сказал:

В стране, где утесы черные
над морем стоят недвижимо,

где волны и снег с ветром ссорятся
и тучи ходят тяжелые,
мне снится всю ночь под звездами
вдали от забытой родины,
как листья с дубов задумчивых
на землю сырую падают,
и ветви рябины клонятся
к воде, шелестя таинственно,
в краю, мной давно оставленном...

И мало кто понял эту песню, но все слушали со вниманием, и даже светильники перестали потрескивать.

А после мы еще долго веселились, потому что до середины ночи было еще далеко. и не ведали мы, отчего все поглядывает на дверь ярл Вадим, и кого он ждет, зло кусая губы.

Когда же во дворе вдруг резко вскрикнула труба, Вадим вздрогнул и посмотрел на Гостомысла. Тогда-то – не ведаю отчего – предчувствие грядущих бед ледяной рукой сжало вдруг мое часто забившееся сердце. Словно сказал мне кто-то: вот оно! дождался!..

...Викинги вошли один за другим, угрюмо глядя по сторонам. Все без оружия, как велит обычай, но зато в кольчугах и железных шлемах. И было их девять – я сосчитал.

А впереди, гордо вскинув голову, важно ступал их вождь. Славяне-дружинники тоже вошли вместе с ними – мало ли

что.

И все разом стихли, поворотившись к гостям, и ждали настороженно, что скажет заморский пришелец, Гостомысл первым приветствовал вождя викингов, которые, судя по одежде, были свеями.

– Садитесь, гости заморские. Давно мы вас дожидаемся, и на пир к нам звали вас, да вы все с корабля сходить не хотели.

Предводитель свеонов шагнул вперед и слегка поклонился, приложив правую руку к сердцу. Огненно-рыжие волосы гостя достигали плеч, а зеленые, чуть раскосые глаза вспыхивали недобрым огнем.

– Я Атле сын Стейнара приветствую тебя, конунг страны Гардар.

Держался он гордо и высокомерно, словно не гостем был, а господином. А говорил по-славянски не чисто, коверкая слова, а к Гостомыслу обратился так, будто никого другого здесь вообще не было.

Гостомысл снова стал звать гостя к столу, но Атле ответил так:

– Благодарствуй, конунг, сыт я по горло твоим гостеприимством.

И, дождавшись, когда стихнет шум, продолжал:

– Я пришел к тебе, правитель земли вендов, и дело мое большой важности.

– Коль ты посол, – подал голос Вадим, – так мы все тебя слушаем. Говори!

– Я пришел сюда по воле моего вождя, и устами моими говорят уста, могучего Эйрика-конунга!

– С миром ли пришел или вражды ищешь?

– Я пришел с миром. Мой конунг, владыка суши и моря, не хочет войны. Он хочет мира с правителями страны Гардар.

Атле начал издали, и я все не мог понять, к чему он ведет разговор.

– Мы тоже хотим мира и неустанно молим о нем богов, – Сказал Станимир.

– Хотелось бы думать, что уста твои говорят правду, славный Стейнмар-ярл. – Медленно проговорил гость. – Мой конунг не ищет ссоры, вы же первыми нарушаете мир.

– Клянусь Перуном, вам не на что жаловаться.

– Есть. – Усмехнулся Атле, и глаза его хищно взблеснули.

– Хватит! Довольно! – Разом закричали несколько воевод. – Говори, гость, зачем пришел!

Атле разом отбросил напускное спокойствие, сказал громко и коротко – все равно, что ударил;

– Я пришел по вергельд!

Ладожане долго шумели, не понимая, о чем речь. А между тем гость заговорил о той великой обиде, которую Эйрик-конунг держит не всех славянских вождей за смерть славного Оле Ингварссона и его верной дружины. И стал требовать справедливости.

– Наша правда, – молвил Атле, – велит месть мстить и кро-

вью платить за кровь. Отдай нам убийц, конунг, и мы уйдем с миром.

Гостомысл же стал говорить, что, мол, невиданное это дело, чтобы славянин выдавал славянина. Стал предлагать серебро на выкуп. Но Атле крепко встал на своем:

– Мы вергельд не серебром берем, а кровью. Нам нашими головами торговать несподручно, мы своих убитых не в кошелях на поясе носим!

– Не могу я выдать тебе виновных, ибо это люди не с моей земли.– Сказал Гостомысл. – Где искать их прикажешь?

Атле стал еще больше сердит и напомнил, что славяне еще и положенной дани не дали. На то Станимир ответил так:

– Мы вам дань даем исправно, а что до других правителей нашей; земли, так не ваша в той вина, что не платят они вам того, что вы требуете.

– Думаешь так просто отговориться?– Скривил губы посол. – Не выйдет.

– Ваши люди немало славян порубили в том бою! Так что мы в расчете сполна.

– Обида была обоюдной.– Согласился Атле.– Наши воины погибли в бою, и на небе их встретят с надлежащими почестями. Откуп кровью они взяли сами за, себя.

Воеводы зашумели одобрительно, но посол поднял руку, показывая, что не все сказал.

– Но ваши люди победили их хитростью. Они призвали на помощь Хрёрека-конунга и его дружину и дали им серебро,

чтобы они убили всех наших.

– Не их в том вина, – сказал Гостомысл, – что не достало им сил самим вас одолеть. Вот к позвали они себе союзника.

– Не в том дело! – Возвысил голос Атле. – Дело в том, что они убили вождя, и убили его во время мира. Чем вы ответите за его голову?

– Не наше дело отвечать за всех, кто живет на этой земле. Ладога – город вольный, а дела иных мест его не касаются.

– Ложь! Наверняка вы подбивали Твердисдейфа-ярла объединиться с могучим Хрёреком и убить наших людей. – Тут посол бросил быстрый взгляд на Вадима. – Отдайте нам убийц, и мы забудем остальное!

– Едва ли нам удастся их отыскать. – Сказал Гостомысл. – Но мы готов-: выкупить их жизнь серебром.

– Хорошо. – Усмехнулся Атле. – Я готов принять твои условия.

– Во сколько же тм оценишь голову своего воеводы? – Спросил Станимир.

– Обычно за голову дают двадцать марок. – Проговорил Атле. – Но вы убили знатного человека, вождя дружины. Мы хотим большую цену!

– Сколько?

– Сорок марок серебра!

Что тут началось! Все повскакивали с мест и заговорили, закричали разом. Виданное ли дело – сорок марок! Да столько серебра, поди, не всякий за один раз видел, а уж з руках

и подавно мало кто держал.

– Прикажи своим ярлам замолчать! – Сквозь шум толпы прорвался высокомерный голос посла.

Гостомысл поднял руку. Воеводы нехотя расселись по местам, продолжая сердито переговариваться.

– Не много ли просишь, гость?– Спросил Гостомысл.

– Не много – мало. Мой конунг мог бы потребовать и вдвое, а то и втрое больше!

Ладожане опять зашумели, и даже Станимир, чей богатырский голос гремел так, что уши закладывало, не смог их уговорить.

Наконец шум улегся и тогда встал с места старый Гостомысл, опершись рукой о плече Вадима. Он сказал:

– Цена твоя велика, гость. Мы не сможем дать столько. Атле ощерился лесным волком и сказал негромко:

– Мы забудем прежние обиды и не станем требовать дани, если вы, венды, сделаете так, как скажу я.

– Не пристало нам выполнять твои указания, гость, – сказал Вадим, – но все же продолжай, а мы послушаем, что еще измыслишь.

– Мы забудем вражду, если вы объединитесь с нами и выступите против того, кто называет себя Хрёреком-конучгом.

– Ступав на свой корабль, гость,– нахмурился Гостомысл, – и жди нашего ответа.

– Благодарствуй, конунг,– Вскинул голову Атле.– Я буду ждать до рассвета третьего дня. И не моя вина, если после

этого прольется кровь!

Я ушел с того пира раньше других, не захотел дальше слушать споры ладожских вождей, и Орвар пошел со мной. В тот вечер я много пил, и у меня слегка кружилась голова от выпитого пива. Поэтому, добравшись до нашего жилища, я повалился на груды соломы и сразу заснул.

А наутро сам Атле-ярл явился к нам на подворье. Обошел он поочередно всех купцов, а потом заглянул под конец и к Тригвальду. О чем говорил северный посол с нашим предводителем я не знаю. Слышал только от Орвара будто звал Тригвальда Атле-Змея с собой, чтобы воевать славянские земли, да только фриз отказался – мол, не наше это дело в чужую драку лезть. И будто бы рассердился Атле на него крепко и ушел к себе на корабль.

А потом побежали по городу гостомысловы люди, стали звать народ на великий тинг – вече, – чтоб потолковать да поразмыслить, что дальше делать.

Народ толпами повалил на большую площадь перед теремом, и я тоже пошел туда вместе со всеми.

Люди сходились с разных концов города, шли даже из самых дальних усадеб, что на берегу реки. Собралось их вскоре столько, что заполнило море людское всю площадь, стояли ладожане так, что, пожалуй, и комару пролететь между ними было бы трудно.

Я пробрался к терему проворнее других и встал поближе, у самых ворот, откуда лучше всего было видно теремное

крыльцо. Там, на крыльце, на длинной широкой скамье уже сидел Гостомысл в окружении своих воевод. Вадим стоял чуть в стороне, словно гость на чужом пиру, и смотрел на всех угрюмо. Я видел.

Заморские гости были тут же, напротив крыльца – все при мечах, и Атле впереди других.

Когда же шум людской поутих, Гостомысл встал со своего места и сказал долгую речь. А говорил он о взаимных обидах между ладожанами и заморскими гостями, и о многих ссорах между ними, и о том, что привело в славный город Ладогу грозного Атле-ярла. И чем дольше говорил старейшина, тем больше и громче шумела великая Ладога.

Свеоны по-прежнему стояли молча и, похоже, плохо понимали о чем речь. Они не вмешивались – только говорили между собой вполголоса и посматривали порой на теремное крыльцо.

Рядом с Атле увидал я еще одного гостя. После мне сказали, что это был его брат по имени Снио. Был он ниже Атле ростом, но гораздо шире в плечах, и длинный шрам – след от удара меча – протянулся через все лицо от подбородка к левому уху, в котором болталась круглая золотая серьга.

Хмурые щитоносцы замерли за спинами братьев и стояли там, опершись на тяжелые боевые топоры. Славянские воины – тоже вооруженные, как на рать, в островерхих кожаных шлемах и при щитах стояли позади своих воевод. А вокруг толпились люди – безоружные, но многочисленные.

А когда Гостомысл перестал говорить, ладожане – все, кто собрались здесь – в один голос стали кричать против северян.

Гостомысл поднял руку, и шум на мгновение стих.

– Ладожане! Легко вам, не думая, браниться и бросаться по ветру пустыми словами. Знаю, тяжело делить свой кусок хлеба с чуженином, да можно ли иначе? Неужто хотите вы подставить свою голову под урманский топор? Неужто крови хотите?

Самые ярые крикуны зраз попритихли, косясь друг на друга, а те, кто помирнее вголос стали говорить, что нынче же данью надобно откупиться от северян.

Гостомысл же сказал:

– Мыслю я так, други. Мало у нас серебра, а урожай еще не собран, пусть же ныне идут себе с миром заморские гости, а по осени воротятся и возьмут от нас то, что просит для себя их князь.

Многие закивали головами, но тут Атле-ярл впервые подал голос:

– Обмануть хочешь, конунг? Не выйдет. Ты боишься нас, потому и хочешь взять лестью, не так ли было прежде, когда твои люди обманули Хальвдана-ярла и убили его, когда он вернулся за недополученной данью? Нет, конунг, вы нам отдадите все, чего мы захотим, и даже больше, оттого что флот наш стоит в трех днях пути отсюда. Не будет у вас времени собрать войско!

Гостомысл заговорил с ним тогда совсем уже льстиво, стал обещать дорогие подарки, но тут Вадим прервал его на полуслове:

– Ты, старейшина, так скоро нас всех в заклад отдашь, только бы уберечь свое добро и свой торг. А потом он обратился к Атле:

– Уходи с миром, гость урманский. Тебе ли нас пугать да вергельд требовать? Глянь – ведь твоих людей и два десятка не наберётся, а за нами вся Ладога!

Лицо Атле все покрылось багровыми пятнами. Он стиснул зубы и прошипел:

– Напрасно ты, Вадем-ярл, моих людей считаешь и своей силой хвалишься. Ведь и сам ты ведаешь, что за двумя десятками у нас двадцать сотен встанут!

– Неужто? – Усмехнулся колодой князь.

– Пстой, Вадим, – обратился к нему Гостомысл, – нехорошо ведь обижать посла.

Вадим молча склонил голову и отступил назад, но я видел, как глаза его запылали диким огнем. И подумал я тогда, что огонь, возгоревшийся в груди молодого вождя, если его не погасить, перекинется в один миг на всю вселенную, а вместе с нею поглотит и его самого.

– Зачем нам поить кровью земную твердь и морские волны? – примирительно заговорил Атле. – На лучше ли будет и вам, и нам жить в мирз друг с другом?

– О том же и я речь веду! – молвил Гостомысл.

– Да?– Вадим исподлобья глянул на старейшину.– Хочешь задля ненадёжного мира вот этим заморским прибулдам отдать наше добро? – А как же иначе, Вадим?

– Что ж, по-твоему, на своей земле мы должны кормить всяких захожих морских разбойников?

– Мы не разбойники,– вмешался Атле,– мы вольные мореходы.

– Да воры вы! – В сердцах бросил Вадим.

Атле усмехнулся и сказал громко – так, чтобы слышали все:

– Да тебе ли, Вадем-ярл, попрекать меня разбоем, когда ты сам со своей дружиной не раз разорял поселения и продавал пленных за серебро?

Но Вадима мало смутили слова гостя.

– Я брал добычу,– сказал он,– по праву победителя. А по какому праву пришел ты к нам требовать серебра как победитель у побежденных, мне не ведомо. Не твоих ли сородичей прогнали с позором славянские люди?

Атле едва сдержал гнев, закипевший в его груди. Он не дал волю своей ярости, только проговорил тихо на своем языке:

– Не пришло еще время убитых считать. А как придет, так я тебя прежде всего достану, вендская собака.

– Что смолк?– Насмешливо возвысил голос Вадим. – Боязно стало?

Атле оглянулся на своих гирдманов и сказал Гостомыслу:

– Закрой ему рот, конунг, или я сам это сделаю. – А повернись к Вадиму, добавил:

– А нынче ваши люди победили наших не своею силой. Ведь позвали они одних викингов сражаться против других.

– Укоротил бы ты свой язык, гость!– Вскипел Вадим.

– Прости, конунг,– не обращая на него больше внимания, продолжал посол,– может быть, так заведено в твоей земле, но у нас не принято, чтобы слуга говорил вперед господина.

– Где увидел ты слугу, гость?! – Крикнул Видим.– Я князь и воевода этой земли!

– Пусть он замолчит! – Тяжело проговорил Атле, и его зеленые глаза блеснули гневом.

– Довольно! – Поднялся со своего места Станимир.– Мы не на торгу товар делим!

Тут какой-то отрок из вадимовой дружины – а подучил ли его сам Вадим, я того не ведаю,– выскочил вперед и звонко крикнул, с вызовом глядя на Атле:

– Ступай к себе за море, вражина! Беги, пока еще жив и здоров! А не то гляди, некому даже будет зарыть в землю твои смердящие кости!

Все затаили дыхание. Свеоны мало понимали язык славян, но и они поняли, что их вождю нанесена смертельная обида. И многие думали, что схватится Атле за меч и на месте зарубит наглеца.

Но Атле стоял неподвижно и молчал, хоть все видели, как руки у него затряслись от гнева. Атле сказал так:

– Если бы ты был воином, я вызвал бы тебя померяться силами в хольмганге, и великий Один Отец Побед рассудил бы нас языком железа. Но ты не воин, и даже не вольный бонд, ты раб – и я не оскверню свое оружие измарав его твоей песьей кровью. Но если боги сведут нас вновь на поле брани, я своим мечем вобью твои слова обратно в твою зловонную глотку.

Вадим хотел было вмешаться, но гость метнул на него гневный взгляд и произнес:

– Не моя вина, что ты, Вадем-ярл, не захотел мира. Пусть же твоя кровь падет на твою совесть.

– Я готов убить тебя хоть сейчас! – Прошипел Вадим.

– Постой, гость, – вмешался вновь Гостомысл, – не откажи нам в примирении и прими от меня богатые дары для тебя и твоего князя.

– Благодарствуй, конунг, – скривил губы Атле, – мы уходим на свой корабль и не надо нам никаких даров.

Он махнул рукой, и северяне пошли вслед за ним, и ни один из них не обернулся и не замедлил шаг.

Вот так прогнал славный князь Вадим северных послов, и невдомек ему было, какую беду он накликнул на свою голову.

Едва гости удалились, один из воевод по имени Злотолюб подскочил к Вадиму и визгливо закричал:

– Пошто ты, князь, оскорбил послов? Неужто войны для нас хочешь?

Вадим ему не ответил. Отвернулся и отошел в сторону.

– Напрасно ты так, Вадим,– Проговорил Гостомысл, поглаживая свою седую бороду.

– Ты-то уж лаской их не обделил! – Проговорил молодой князь.

– Мало ты понимаешь. Тебе бы только мечем махать, а нам ведь нынче никак нельзя затевать ссору с северянами. Лучше бросить собаке кость – пусть подавится.

– Оружием их усмирять надо – не подачками!

– Побереги свой пыл,– Сказал Станимир, низко наклонив тяжелую голову, – Ты сперва у людей спроси захотят ли они кинуть свои дома и пойти на рать.

Вадим огляделся. Ладожане угрюмо молчали, переминаясь с ноги на ногу.

– Мечи моих воинов еще не заржавели.– Сказал он.– А здесь в Ладоге есть немало людей, которые готовы за мною пойти.

– Много ли?– Усмехнулся Станимир. – Много ли тех людей?

– Я уже собрал рать.– Сказал Вадим,– со мною пойдут дружины

шестерых вождей, что стоят сейчас в Ладоге.

– Много ли толку от них?!– Выкрикнул кто-то из толпы.

– И то!– Подхватил другой, – Подумал бы, прежде чем на рожон лезть!

Вадим зло оглядел вече, и все притихли под его колючим взглядом.

– Слепцы вы!– Крикнул он.– Думаете задобрить свеонов дарами? Глупцы! Ведь только мечем их угомонить удастся!

– Мало проку в мече, коль голова пуста. –Сказал Станимир. –На моей памяти мы пятерых вождей от Ладоги отбили, а что толку. Убьем одного, а за ним другой идет следом.

– Вот-вот!– Подхватил Злотолюб.– Нынче-то у северян ссоры да раздоры, а как устанут они друг друга железом потчевать? Тогда что?

– Тогда я и мои люди за себя слово скажут. –Огрызнулся Вадим.

– Купцы да горожане воевать не пойдут.– Твердо сказал еще один воевода, Святомысл.

– Не в обиду тебе скажу, Вадим, не обессудь, – молвил Гостомысл, – да только ты со своей дружиной ты горазд лишь купеческие корабли добывать да чужие села грабить. На большую рать сил у тебя маловато. Вспомни: в минувшее лето дважды раздрался ты со свеонами и дважды они тебя побили. А последний раз что с тобою сделал Рюрик-князь?

Рюрик – вот как называли они Хрёрека-конунга!

– Не моя в том вина! –Бросил Вадим. А потом спросил уже спокойнее: – что же делать тогда?

Гостомысл понурил голову и долго молчал, а потом распрямился и сказал твердо:

– Рюрика звать надо!

И глянул на Вадима – что тот ответит?

– Рюрика?!– едва не задохнулся тот.– Вора и разбойни-

ка?! Злодея заморского?! Да он первый нас свеям-то продаст!

– Наши братья свеев с его помощью побили!

– Мне-то что? Мне с ворами не знаться!

– Вот что, други, позовем Рюрика и его вождей на совет, а там вместе и порешим, как быть.

– Верно!– Подхватили воеводы.– Звать Рюрика!

– Да вы что!?! – Вскричал Вадим.– Звать урманина, чтоб он нас от урман оборонил? Кликать волка, чтоб он берег овец от других волков?

– Лучше один волк, чем целая стая! -Крикнул Злотолюб.

– Зерно,– Сказал Гостомysl. – Молчи, Вадим! Велика наша беда а ты еще хуже сделать хочешь. Ладожане! Хотите ли послать к Рюрику помощи просить?!

– Хотим!– Загудело вече.

– Да уж,– процедил сквозь зубы Вадим,– вам бы только чужими руками воевать!

– Будем посылать к Рюрику,– Молвил Святомысл,– Пусть идет в Ладогу.

– Пусть идет в Ладогу!– Передразнил его Вадим. – А не много ли будет двух князей в одном городе?

– Не о двух князьях речь,– Возразил Гостомysl.– Мало нам в городе одной дружины, вот и хотим призвать еще одну.

– Опомнитесь, люди! Под ярмо пойдете!– В последний раз попытался перетянуть вече на свой бок Вадим. Да только его уже никто не слушал.

– Уходи, Вадим! – Зашипел Злотолюб.– Не тебе нам дорогу заступать! Ты нас всех на погибель завести хочешь, оттого, что властью своей поступиться боишься.

И напрасно пытался спорить молодой князь – голос его потонул в людском шуме, затопившем площадь.

Вот так случилось, что были посланы послы за Хрёреком-конунгом, и что Вадим разругался со всеми ладожанами.

А когда шел я с вечевой площади, довелось мне вновь увидеть того слепого певца, что пел на праздничном пиру у Вадима. Старик сидел на бревне около забора, а вокруг него собрались отроки из княжьего терема, праздные прохожие и много еще всякого народа. А пел он теперь не веселую застольную песню, а что-то грустно-печальное, и люди слушали его, в молчании склонив голову.

Узловатые пальцы старика пробегали по струнам, заставляя дрожать их звенящей дрожью; и я услышал его хриплый глухой голос:

... Где стояли дома, там чернеет прах,
где цвели луга, там клубится дым,
там, где плуг ходил, ходит смерти меч...

Я подошел поближе и остановился, слушая. Когда же старик кончил петь, и те, кто стоял рядом, и другие, идущие мимо, стали бросать ему кто серебряную застёжку, кто резаную

восточную монету, а иные подносили кусок пирога или еще какую снедь. Мальчишка-поводырь, седевший у ног певца, проворно собирал щедрые подаяния и складывал их в большой дорожный мешок.

Какая-то девушка, небогато и просто одетая, выбежала из соседнего двора и подала старику ковш холодного кваса. Покуда гусляр пил, я слышал, как она спросила:

– Хорошо ли тебе живется, дедушка ?

Старик поднял на нее незрячие глаза, ответил слабым голосом:

– Мы все хорошо жили в нашем краю, покуда не пришли к нам рыжеволосые люди на длинных кораблях.

– Откуда же ты идешь, старик? – Спросил кто-то из только что подошедших гридней?

– Иду я издалека, брожу по свету с того самого дня, как злые северяне сожгли мой дом и увезли за море всех моих родичей.

И многие тогда вздрогнули от этих слов, потому что там, на реке все еще стоял на якоре черный дракон заморских гостей.

– Давно ли это было?

– Давно... Двадцать, а может и тридцать лет назад... Повесне, когда таял лед... Тогда-то и явился к нам под Изборск-град северный гость Трувар-конунг...

Старик снова тронул струны к пропел тихо дрожащим голосом:

Выплывает змей из морских пучин,
из морских пучин, из далеких стран.
То урманский змей, страшный зверь морской.
Выползает он на озерный брег,
на озерный брег, на сырой песок,
он несет беду на своих крылах...

И словно вдруг зашумели в моих ушах весла кораблей-драконов и закачались перед моими глазами их оскаленные змеиные пасти... А старик все говорил, и говорил он о том, как Трувар-конунг пожег их край и долго сидел в нем, собирая дань.

– Не захотели наши старейшины откупиться от гостей заморских, – нараспев говорил он, – вот и поплатились за неразумность свою

– Отчего же так получается? – Молвил один отрок. – Каждую весну поселянин выходит в поле, пашет, сеет, после собирает урожай – все сам. Так зачем же должен он отдавать часть своего зерна на прокорм разбойнику-чужестранцу?

– Потому что, если он не отдаст часть, то придут урмане и заберут все.

– Так перебить их! Перебить всех, до единого!

– Коли перебить всех – придут другие, еще более жадные. Это как трава сорная – ее нельзя вырвать с корнем, все равно прорастет заново с еще большей силой.

Я дальше слушать не стал – не мог слушать. Повернулся и пошел к своим на подворье. И беспокойно было у меня на душе, словно широкие крылья беды накрыли меня своей черной тенью.

А тут еще сбежали два ирландских раба, которых Тригвальд выменял в Лимерике на вино и дорогие шкуры. К счастью, с собой они никакого добра не прихватили.

Рассерженный Тригвальд прицепил к поясу меч и, взяв с собой Колгрима, отправился к Гостомыслу требовать сыска беглецов, а солнце в то время уже стало клониться в сторону заката, и я думал снова пойти в старое капище. Да не сложилось.

Тригвальд воротился в неопишемом бешенстве, и даже его ближайшие помощники – Гудмунд и Колгрим – боялись к нему приблизиться. Орвар сказал мне, что пропавших рабов видели у Атле-ярла, а уж сами ли они пришли туда или привели их силой – того никто не ведал. Может, была на то воля всесильных богов, а, может, сам Атле решил заведомо напакостить – с него станется. Вот только беда эта обернулась еще большей бедой. И для меня, и для всех фризов.

Мы, четверо: я, Тригвальд и еще двое купцов пошли на берег – говорить с Атле. Остальные дожидались нас на подворье.

Корабль свеонов стоял в стороне от пристани, наполовину вытасенный на песок, а сами гости жгли на берегу костер, и сидели кружком, протягивая ладони к жаркому пламени, и

переговаривались о чем-то. Собирались они уходить на рассвете, не дождавшись от Гостомысла ни серебра, ни кровавой дани.

Звезды одна за другой зажигались на небе, и высокая ладожская крепость чернела в темноте над горою, когда мы спускались к реке. Было тихо – только ворочалось, тяжело вздыхая, на своем каменном ложе великое Нево-море.

Увидав нас, Атле поднялся и пошел навстречу. Его гирдманы тоже повставали с мест, а когда мы подошли, обступили нас со всех сторон.

– Какая беда привела тебя в этот час сюда, славный Тригвальд-купец?– Спросил Атле, щуря свои зеленые глаза.

– Ты сам то знаешь.– спокойно ответил фриз.

Свеон усмехнулся и покачал головой. Тогда наш вождь заговорил с ним громко и резко.

– Ты, Атле-Змея,– сказал он,– увел моих рабов. И не отпирайся –люди их видели.

Гость и не думал отпираться. Ответил насмешливо:

– Ты напрасно пришел сюда, Тригвальд-купец. Но ты сделаешь хорошо, если сейчас же уйдешь обратно.

Тут я огляделая и увидел, что свеоны встали вокруг. А было их впятеро больше, и руки у всех лежали на топорах, Но Тригвальда нелегко было напугать.

– Отдай моих рабов,– сказал он,– и разойдемся миром.

Атле рассмеялся и похлопал его по плечу.

– О каких рабах речь, Тригвальд-купец? Лучше присядь к

нашему костру, отведай жареной баранины и доброго пива...

Наш вождь приглашения не принял, да только свеона это ничуть не смутило. Он еще раз засмеялся – глухо, сквозь зубы – и сказал, покачав головой:

– Напрасно же ты брезгуешь нашим хлебосольством, купец!

– А мне оно ни к чему, – ответил Тригвальд, и я увидел, как от гнева у него свело скулы .

– Так ступай же прочь! – Прошипел свеон. – Мои люди не любят, когда их понапрасну отрывают от вечерней трапезы.

– Мне-то что? Я пришел по делу и не уйду просто так.

– Мы с тобой враги, Тригвальд-купец, – молвил Атле, – а потому не о чем нам с тобой разговаривать. Ты Вадему-ярлу обещал служить и с ним заодно воевать.

– Так вот в чем дело! – Усмехнулся Тригвальд.

– Ступай прочь, купец! – Зло проговорил свеон. – Уходи, или мои воины проводят тебя силой.

Ждал Атле – уберется наш вождь восвояси, а он со всеми своими еще и посмеется ему вслед. Вышло не так. Тригвальд встал против него все равно, что дуб-великан – куда там тягаться с ним заморскому гостю! Ведь если ударит фриз, так три дня искать будут – костей не найдут!

Атле сразу смекнул, что дело добром не кончится. Но не отступил, не попросил мира.

Не стану рассказывать, как спорили они и бранились, а мы все молча ожидали конца. Никто не уследил, как рука

Тригвальда вдруг схватила за меч – лишь услышали зловещий лязг выходящей из ножен стали. И тут же один из свеонов ударил Тригвальда в спину копьем. Фриз еще силился достать Атле – видно, так и не понял, что нанесли ему смертельный удар. Не достал. Не успел. Атле только отступил в сторону, давая ему упасть.

А потом мы еще успели показать свеонам, как блестят в бою наши мечи. Я уже не видел, что творилось вокруг – рванулся прочь от корабля и от берега, раздавая налево и направо слепые удары. Помню еще – кого-то рубил, куда-то бежал, не чувствуя ни усталости ни боли от ран. И когда взметнулась надо мной белым полумесяцем смертоносная сталь секиры, я даже не успел подумать о смерти.

И небо с землей поменялись местами.

В тот миг мне показалось, что не единожды, а сотню, тысячу раз обрушился на меня этот удар, и тысячу раз падал я на холодный песок, захлебываясь густой темнотой и собственной кровью. Звезды хороводом закружились в моих глазах, а потом погасли все разом, и голоса боя стихли в один миг – весь мир пропал, и я провалился в кровавую пасть темноты.

*Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов*

Сквозь синеющий туман морской!

«Песня Ингелота»

...Заунывалаая, мелодия свирели родилась где-то за гранью сознания и, разрастаясь, заполнила все мое естество. Казалось, каждая частичка моего истерзанного тела вторит этому звуку. Из кроваво-красного тумана, застилавшего мне глаза, стали возникать смутные очертания каких-то предметов. Потом – словно заколыхалось вокруг меня необъятное пшеничное поля, издавая глухой равномерный шум. А я лежал посреди него, и тяжелые золотые колосья почти касались моего лица.

Свирель зазвучала пронзительней. Откуда-то, словно из-под земли, возникли прекрасные стройные девушки с венками из полевых цветов на волосах, таких же золотых, как колосья пшеницы. Под пение свирели они закружились вокруг меня в хороводе, и ветер развевал их легкие платья.

Заунывные монотонные звуки заполнили собой всю вселенную. И вот уже не девушки... нет, это хоровод всадников кружится в бешеной пляске! Звериные шкуры за их плечами развеваются на ветру, рогатые шлемы склоняются в такт движениям. Всадники мчатся быстрее, копыта коней уже не касаются земли... Кони поднимаются все выше, выше – и уносятся в небо. Только теперь я вижу, что небо сложено из больших необтесанных бревен и на нем нарисовано челове-

ческое лицо с белыми, как у рыбы глазами...

Свирель стихает, и странные видения меркнут. И только пшеница продолжает шелестеть.

Нет, то была не пшеница.

Я открыл глаза, и иллюзия исчезла. Закопченные дубовые стропила покачивались надо мной в дымном мареве, и потолок все время уплывал куда-то в сторону, словно он был продолжением моего тяжелого сна. Но это был не сон.

Мне казалось, что рядом все еще что-то продолжало шуметь. Так перекатываются через крупные камни бурные волны прибоя, когда морской великан Эгир с размаху швыряет их на высокие береговые утесы, Но откуда оно, море?

Я попробовал пошевелиться – и не смог. Тело мгновенно отозвалось острой болью. Голова гудела, и сотни маленьких молоточков стучали в моем мозгу. Мысли кружились, словно стая испуганных птиц и жужжали в ушах, как растревоженный пчелиный рой.

Где я? что со мной?

Как огневая вспышка, мелькнуло в голове имя – Атле! А потом я будто вновь услышал скрежет сталкивающегося железа и треск ломающихся костей...

По мере того, как сознание возвращалось ко мне, я стал понимать, что лежу в незнакомом доме и раны мои туго перевязаны.

Надо мной вдруг в розовом тумане всплыло откуда-то женское лицо, и я готов был поклясться, что это было лицо

Ингрид. Я хотел окликнуть ее, но не смог – вокруг меня снова сомкнулся мрак беспомощности.

Сколько раз я приходил в себя, я не помню. Только когда очнулся снова, что-то мокрое и холодное коснулось моего пылающего лба. А потом я увидел девушку, склонившуюся надо мной. В одной руке она держала миску с водой, а в другой – мокрую тряпку, которой обтирала моё лицо.

– Ингрид!..– Не то выдохнул, не то прохрипел я.

Нет, это была не Ингрид. Шелковистые волосы цвета спелой соломы откинулись назад и из этих волос возникло лицо – бледное, усталое с огромными голубыми глазами цвета весенней небесной синевы. И мне показалось, что видел я это лицо прежде, только вместо миски с водой в тот раз девушка держала клубок ниток... или это было во сне?

Я с трудом разлепил спекшиеся губы:

– Где я?

И сам удивился, что мог еще говорить.

– В доме Рагнара Рангвальдовича, – сказала девушка, глядя на меня своими синими, как, небо, глазами.

Какие-то неясные образы стали рождаться в моем воспаленном мозгу... Атле... Тригвальд... Рагнар... Где я слышал это имя? Шум моря за стеной... Где я? Неужели мне все приснилось? Я был ранен в бою с данами, я видел как погиб Тормунд... Тормунд?.. Да, он убит, а я лежу раненный... Наверное, я в плену...

– Далеко ли до Альдейгюборга?– Спросил я на всякий

случай.

– Я не знаю, какую местность ты называешь этим словом. – Пожала плечами девушка, и я совсем убедился в своей правоте.

– Как я попал сюда?

– Принесли.

– Кто? Давно?

– Восемь ночей назад.

Тут я вдруг понял, что девушка очень плохо говорит на языке свеев, часто путая датские и свейские слова. И я еще больше запутался в своих мыслях.

– Кто ты? – Спросил я. – Я видел тебя прежде.

– Не спрашивай, викинг. Что за дело тебе до того, кто приставлен за тобой ходить?

– Это твой дом? Как я попал сюда?

– Не знаю. Спроси Рагнара-хозяина. Мне не ведомо и половины того, что было на самом деле.

И, поднявшись, девушка побежала к двери. Я рванулся было удержать ее, но боль снова вцепилась в меня своими острыми когтями так, словно хотела отодрать мясо от моих костей.

Девушка пришла позже и принесла полный ковш какого-то зелья.

– Испей, викинг. – Сказала она. – Станет легче.

В нос мне ударил настоявшийся аромат трав, ягод и дубовой коры. Я выпил большими глотками и вправду почув-

ствовал большое облегчение. Потом я вновь стал выпрашивать, но девушка все отмалчивалась или отвечала коротко: "не ведаю". Я только и смог узнать, что носила она славянское имя Сбыслава. А потом, уходя, она вдруг остановилась на пороге и сказала словно бы нехотя:

– Хрёрек-конунг спас тебя, скальд!

Сказала – и убежала прочь, оставив меня, ошеломленного, самого разгадывать эту загадку.

Все объяснилось только когда пришел Орвар.

– Боги не спешат взять тебя на небо, -сказал он, -но раны твои опасны и я не знаю, заживут ли они.

И фриз с сомнением покачал головой.

А потом он рассказал, что случилось в ту ночь на берегу.

Там, в кровавом бою полегли все – лишь я, получив три страшных удара ножом, мечем и секирой, остался в живых. Да живым-то меня тогда мало кто решился бы назвать!

Убили бы меня свеоны до конца, но не вышло. Потому что явился на реке грозный Хрёрек!

Хрёрек пришел на трех кораблях с мирным белым щитом на мачте, чтобы поднести богатые дары старому Гостомыслу. И случилось так, что напал он на свеонов и спас меня от великой беды.

Атле, Снию к все, кто были у них на корабле, без боя сложили оружие и сдались в плен грозному морскому конунгу, а меня нашел на берегу славянский отрок Борислав, что слу-

жил на ладье у Хрёрека. Без него изойти бы мне кровью там, на холодном речном песку.

– Скольких врагов мы отправили в Вальхаллу?– Спросил я.

– Хрёрек велел похоронить мертвых, но я видел много крови. Я порадовался, что недаром отдали мы врагу три жизни, а Орвар сказал:

– Думаю, ты храбро сражался. Меч твой пощербился от многих

ударов – вот я его тебе принес.

Я кивнул. Фриз же подумал и сказал еще:

– Я хочу, чтобы ты взял вот это.

Он вытащил из-за пояса свой кинжал – длинный и узкий, словно тело змеи.

– Возьми. Отныне ты мой побратим.

А потом еще рассказал Орвар, что старый Гостомысл крепко обозлился на Атле и его людей за то, что осмелились они в его городе разбой творить. Вадим же – скор на расправу – хотел их всех смерти предать. Но Хрёрек не позволил. Взял он с Атле выкуп серебром и отдал то серебро фризам, а свеонов отпустил на их корабле на все четыре стороны. Вадим же осерчал еще больше и втихомолку сел на свой корабль, взяв сорок человек дружины, и отправился в погоню. Да только не настиг. Ушли свеоны. Вадим и дальше плыть хотел, но гридни его отговорили – знали ведь, что стоит где-то на Неве-море рать самого Эйрика-конунга. А тот, что и

говорить, нравом был свиреп и вмиг бы разметал в щепки и Вадимов корабль и всю его дружину. С тем Вадим и вернулся. А люди ладожские еще пуще на него осерчали за то, что Гостомысла ослушался. На том дело и кончилось.

– Не знаю, будет ли война, – сказал Орвар, – но обычай викингов велит смертью платить за смерть, а потому Атле отныне мой враг до самой могилы.

Я с ним согласился и только одного не мог взять в толк: как могло случиться, что явился Хрёрек в Ладогу в тот самый день, когда к нему были посланы послы от старого Гостомысла!

– Захочешь, – молвил между тем Орвар, – возвращайся к нам в дружину. Примем тебя как своего.

Я покачал головой.

– Не думаю, что я смогу вернуться.

А сказал я так, потому что чувствовал рядом с собой смерть. Орвар это понял, попрощался и ушел восвояси.

Меня было сморил сон, но уснуть я не успел. Услышал шаги – будто вошел еще кто-то. Думал – Сбыслава. Ошибся.

Сперва я решил, что видения снова стали тревожить меня, а потом едва не вскрикнул от изумления, увидав Ингрид. Неведомо откуда взялась она здесь, такая же, как и тогда, в капище, и волосы ее так же золотились, волнами сбегая по плечам.

– Ингрид? – Проговорил я не слишком уверенно, все еще боясь, что она исчезнет, как исчезли те смутные образы и

видения, что тревожили меня днем и но чьи в горячем бреду.

Она подошла и улыбнулась. А глаза ее искрились так же лукаво, как и прежде.

– Молчи, Эрлинг-скальд. Твои раны велют тебе молчать.

– Откуда ты здесь?

– Это мой дом.– Сказала она, усаживаясь на край моего ложа.

– Твой?!– и хотел было подняться, но Ингрид меня удержала, не дала даже пошевелиться.

– Это дом моего отца,– Усмехнулась она.– Мое имя Ингрид дочь Рагнара сына Рангвальда из Рёнборга.

– Почему же ты не сказала раньше?

Девушка закрыла мне рот ладонью и произнесла:

– Тише, молчи! Тебе вредно говорить. А потом добавила:

– Зачем тебе было знать кто я? Ты ведь все равно никогда не видел моего отца.

Я пожал плечами.

– Вот что,– продолжала Ингрид,– ты будешь жить здесь, пока раны твои не заживут. Так велел Хрёрек-конунг. А я буду за тобой ухаживать.

– Послушай,– сказал я,– а с чего это вдруг Хрёрек-конунг так печется о моем здоровье? Я ведь даже ни разу не видел его в лицо!

– Не знаю... Мой отец, наверное, знает, потому что я слышала, как он говорил, будто тебя по ошибке ранили люди Хрёрека.

– Люди Хрёрека?! – Изумился я, – Что ты говоришь, женщина? Я наверняка знаю, что бился с воинами Атле-ярла,

Ингрид пожалала пленами – видно, сама мало что понимала.

Тут за дверью вдруг слышались шаги и голоса. Ингрид тут же насторожилась – все равно, что лисица, зачувыв приближение охотника.

– Меня ищут, – сказала она и собралась уходить. И шепнула напоследок:

– я приду еще. Жди.

И она потом еще не раз приходила. Не скажу, что очень уж радовали меня ее приходы. Какая-то другая Ингрид, не та, что была там, в старом капище, сидела сейчас рядом со мной. Чужая она была, далекая. Я только теперь разглядел.

Кроме нее были у Рагнара-хозяина еще сыновья – Торвар, Олаф, Ингвар и Свен. Старшему уже минуло тридцать зим, младшему – пятнадцать. Больше про них Ингрид ничего не говорила.

Зато от нее я узнал, что фризы ударили в щиты и назвали Орвара своим ярлом. Они могли избрать Гудмунда или Колгрима – эти ведь были в помощниках у Тригвальда. Не захотели. Колгрим, сказали они, хороший воин, но он мало опытен, чтобы водить дружину. Гудмунд тоже был бы хорошим вождем, но мы хотим воевать и мстить за наших, а он больше купец, чем воин. На том и порешили.

Тригвальда и двух других фризы похоронили. И корабль вместе

с ними сожгли – не простого ведь гирдмана провожали в последний путь! Тризну по ним справили богатую и могилу насыпали – издалека видать! А после собрались строить новый корабль. Не купеческий снекк, а настоящий боевой дракон на двадцать пар весел! Уходя, Ингрид, как всегда, говорила:

– Я приду, жди.

– Приходи.– Как-то не очень весело отозвался я.

– Что ж ты не рад? Или не хочешь меня видеть? Ингрид наклонилась ко мне так низко, что ее волосы коснулись моего лица.

– Жди меня завтра, Эрлинг-скальд.– Сказала она прерывистым шепотом, и слова ее прошелестели в воздухе, как ветер от крыльев мотылька. А потом девушка выскользнула из комнаты, и я даже слова не успел сказать ей вослед.

Я еще не успел опомниться, когда вошла Сбыслава. Я взглянул на нее, и мне показалось, что она чем-то сильно опечалена и нарочно избегает смотреть мне в глаза.

– Что с тобой?– Спросил я.

– Ничего,– Ответила Сбыслава и отвернулась.

В тот вечер она не стала больше со мной говорить.

Я потом еще долго валялся в постели, и время тянулось так медленно, что, казалось, вот-вот остановится. Сбыслава все так же ходила за мной, приносила еду и перевязывала мои раны. Иной раз, когда со мной никого не было, приходила Ингрид.

А как-то раз зашел сам Рагнар.

Я вспомнил этого человека. Я видел его на пиру у Вадима, он сидел там в числе других воевод.

А вместе с Рагнаром пришел еще один человек, которого я сразу узнал – Харвард-ярл!

После я спросил у Сбыславы, что это за человек и отчего пришел он в дом Рагнара.

– Харвард Харальдович, -сказала мне девушка,– со своими людьми на службе в городе Ладоге. Его Гостомysl позвал. А живет он в доме Рагнара Рангвальдовича, и жить будет до самой зимы, до свадьбы, когда наш хозяин отдаст ему жену. Тогда повесне он уйдет в море и вернется к себе домой в Конунгахеллу.

– Рагнар отдаст ему жену?– Поразился я.

– Я неверно сказала. Этот Харвард сватается к дочери Рагнара-хозяина и давно уже у них все между собой уговорено. К зиме быть свадьбе. К Ингрид ведь и Вадим сватался, да только ему Рагнар дочь отдать не захотел.

– К свадьба, говоришь, скоро? – Все еще не веря, спросил я.

– Скоро,– Кивнула девушка,– Харальд ведь уже и выступ свадебный отдал.

– За Ингрид?

– За нее.

И, помолчав, Сбыслава спросила, глядя мимо меня:

– Ты думаешь, она красивая?

– Кто?– Не понял я.

– Она... Ингрид.

– Зачем ты спрашиваешь?

– Не знаю... Так просто.

Я хотел это-то сказать, но никак не мог вобрать рассыпавшиеся вдруг мысли в единый пучок.

Сбыслава больше ничего не спрашивала и только отвернулась и глядела молча в сторону. Я спросил что с ней, но она только всхлипнула и выбежала вон, даже не затворив за собой дверь.

Ингрид заходила ко мне еще много раз, но я не захотел говорить с ней ни о Сбыславе, ни о Харварде-ярле. А что толку – ведь все равно не скажет правды. И еще – не знаю отчего – мне вообще не хотелось с ней говорить.

А когда я уже мог стать на ноги, собрал в своем тереме старый Гостомысл великий пир и зван был на тот пир сам могучий Хрёрек, что и доньше все еще гостил в Ладоге. Мне на том пиру быть не пришлось, слышал только, что люди говорили.

Собрались у Гостомысла многие мужи из разных мест, и встал перед ними Хрёрек с такими словами:

– Слышали мы, что начались раздоры в вашей земле из-за добра и власти, и пришли мы – я и моя верная дружина – чтобы помочь вам установить мир в своей стране и одолеть всех ваших врагов.

И еще будто бы сказал Хрёрек:

– Слышал я также, что нет у вас сильного вождя, и оттого восстают ваши воеводы друг против друга. Да и тебя, Госто-мысла-хозяина мала кто чтит. А все оттого, что не можете вы, венды, сами себя оборонить и отдаете свое добро северным разбойникам.

И пошла у них речь о том, как разделить власть в славянских землях и как станет он, Хрёрек, те земли своей силой защищать.

Не знаю я до чего договорились там вожди, только опять вмешался Вадим и случилась у него ссора в Хрёреком. Крепко осерчал гость, когда стал молодой князь ему перечить и правду свою перед ним отстаивать. Многие тогда думали, что схватится конунг за меч да потребует поединка – расплаты за кровную обиду. Да вышло все по иному. Потому что Хрёрек сказал так:

– Браниться с тобой я не стану и драться не стану тоже. Не пристало мне, конунгу и вождю дружины, вступать в ссору с человеком, который оскорбляет гостя в своем доме.

И больше ничего не добавил.

Слышавшие это решили, что испугался заморский гость. Да узнать каков он на самом деле этот Хрёрек-конунг пришлось нам намного после. Только поздно открылась нам эта правда и что толку теперь о той сожалеть.

Дом Рагнара был велик и хорошо построен – не так, как обычно строят северяне. Он был больше похож на терем –

высокий и со множеством всяких разных пристроек. А рядом – длинные сараи; и частокол вокруг – как крепостная стена.

Кроме хозяев жили в том доме еще десятка два рабов да военные слуги из дружины Рагнара. Сбыслава тоже жила в доме – две или три зимы назад купил ее Рагнар для своей дочери Ингрид на одном торгу где-то на Ильмень-озере. А еще теперь жили тут Хрёрековы люди. Сам морской конунг расположился по-походному, в шатрах на берегу реки, а часть своей дружины оставил у Рагнара. В их числе был и тот отрок Борислав, что нашел меня тогда на берегу. Был он человек важный – даром, что видел только семнадцать зим. Ходил он щитоносцем у самого Хрёрека-конунга, а прежде еще жил здесь, в Ладогe и служил Рагнару-хозяину. Нынче дел у него никаких не было, вот и ходил он за мной всюду, потому как любил слушать мои песни о далеких заморских странах и подвигах викингов.

Вот так и жили мы все в рагнаровом доме.

Я, никогда не имевший своего очага, завидовал всем, у кого он был. Но в этом доме скоро я стал чувствовать себя хуже, чем Гуннар в яме со змеями.

А началось все вот как.

Как-то пришла ко мне Ингрид. Она приходила каждый день, порой по два и по три раза, так что я к ней привык. Но что-то было все равно не так. Не знаю отчего, но будто холодная река протекла между нами. Прежде я радовался,

увидав Ингрид, а после чуть ли не с нетерпением дожидался, когда же она наконец уйдет. Однако я не был слепцом и видел зачем дочь Рагнара вьется вокруг меня. Видел – и не хотел замечать.

О чем мы говорили в тот раз, ныне я уже и не вспомню. Только Ингрид зачем-то помянула то старое капище, где я встретил ее в первый раз, и древних богов, чьи идолы там стояли. А как заговорили мы о славянских богах, случилось так, что я невольно рассказал девушке как попал я к викингам и кем был до того времени. Тут Ингрид принялась меня расспрашивать, и я едва удержался, чтобы не прогнать ее прочь,

А потом она пришла на другой день к вечеру, когда в доме все уже сели за вечернюю трапезу. Еду мне обычно приносила Сбыслава, но в тот раз вместо нее появилась Ингрид. Вошла, поставила миску на скамью и присела рядом со мной на постели.

– Я слышала будто по весне Орвар зовет тебя с собой в поход, – Так начала она разговор.

– Зовет. – Согласился я, – И я вправду думаю пойти с ним.

– Куда? – в голосе Ингрид мне почудилась едва уловимая дрожь. – Ты хочешь уйти из этого дома?

– Но это не мой дом, Я здесь чужой и все для меня чужие.

– Даже я?

– Ты – нет.

Она долго молчала, а потом сказала вполголоса:

– Я не хочу отпускать тебя, Эрлинг-скальд.

– Ты хочешь оставить меня здесь вечным пленником?

– А если так?

Я же, не понимая еще к чему она клонит, принялся говорить о морских походах и о своем одиночестве в стране Гардар. И говорил так до тех пор, пока Ингрид не оборвала меня:

– Ты, конечно, хороший воин. И хороший скальд. Только у тебя нет глаз. А потом она сказала так:

– Ты ничего не видишь, Эрлинг. Ты слеп, оттого и не можешь разглядеть в моих глазах мое сердце.

Тут-то я наконец понял о чем ведет речь прекрасная дочь Рагнара, и я испугался, что она скажет больше, чем я хотел бы услышать,

– Остановись, Ингрид!– Предостерег ее я,– Лучше бы тебе не доверять свои мысли своему языку!

– Нет, я скажу! – С вызовом глянула мне в лицо девушка.– Потому что ты-то сам боишься произнести это, Эрлинг-скальд!

– Ингрид, тебе надо уйти, прежде чем наш разговор зайдет слишком далеко.

– Прогоняешь меня?

– Молчи!

– Поздно. Я пришла сегодня не для того, чтобы молчать. Я пришла для того, чтобы первой открыть тебе свою любовь!

Я ждал этих слов – Ингрид ошибалась, говоря, что я слеп

и ничего не вижу, и я сказал вот что, а придумал я эти слова заранее:

– Ты не должна так говорить, ибо все знают, что ты давно отдана Харварду из Конунгахеллы!

Я полагал, что Ингрид убежит в ту же минуту, но она сказала неожиданно весело:

– Ты боишься Харварда? или, может, моего отца?

– Мне не зачем их бояться.

– Тогда чего же ты ждешь?– Она приблизила свое лицо к моему лицу, и ее жаркое дыхание обожгло мне губы.– Что нужно тебе еще? Я твоя, скальд! Возьми меня!

Ее руки обхватили меня мягким кольцом. Так плющ обвивает порой могучий дуб, и нелегко бывает этот плющ распутать.

– Люби меня!– Часто дыша, прошептала Ингрид. -Люби меня!

Я попытался отстраниться, но она крепко прижалась ко мне и ее губы настойчиво искали мои губы.

– Ингрид!– проговорил я, с трудом преодолевая желание сжать в объятиях ее гибкое упругое тело.– Остановись, Ингрид!

– Ты боишься, что меня возьмет другой? окажи только слово – и я пойду с тобой, куда прикажешь!

Если бы она сказала эти слова раньше, там, в древнем славянском капище, я не стал бы долго раздумывать. Но сейчас...

– Я не возьму тебя с собой, Ингрид.– Твердо сказал я.– Я не люблю тебя.

Она встала так стремительно, что опрокинула скамейку с моим ужином. Мгновенно отступив назад, она заговорила, и голос ее дрожал, словно струна арфы под рукой неумелого скальда.

– Н не ждала услышать это от тебя, Эрлинг-певец!
и выбежала вон. Гордая дочь Рагнара не хотела, чтобы кто-нибудь видел, как она плачет.

Я сел на постели и сжал ладонями виски. Кровь бешено билась в жилах под моими пальцами, словно хотела алым фонтаном вырваться наружу. Великий Один отдал свой глаз за единственный глоток из источника мудрости, я же не пожалел бы и вдвое больше, только бы не было этого разговора с красавицей Ингрид.

А через день я впервые вышел из дому и направился в крепость к Орвару. Было у меня к нему дело, о котором думал я две ночи подряд. И доверить это дело я мог только другу.

Фризы с утра все ушли на берег, так что на подворье я застал только Орвара и еще одного торговца по имени Гуннбьорн. Случилось так, что прежде я спас Гуннбьорну жизнь, а как он отблагодарил меня – расскажу позже.

Орвар порадовался, что я наконец поднялся на ноги, стал говорить со мной о разном. А потом я спросил его о том, сколько стоит раб. Орвар был застигнут врасплох и ответил,

что в стране Гардар за раба дают к двадцать, и тридцать шкур-рок куницы, и что лучше всего спросить у Гудмунда.

– Я не купец.– Сказал он,– Потому я не знаю достоверно.

– Я тоже не купец,– Произнес я.– Так что лучше скажи мне просто сколько на торгу просят за рабыню и оцени мне это в серебре.

– Венды,– подумав, молвил фриз,– берут за простую девушку-рабыню две гривны серебра, что составляет не меньше сорока кунных шкурок. Если же пересчитать это в шкурках бобров, то получится тридцать две штуки. А тридцать два бобра это, по крайней мере, полторы марки.

Я ничего не понял из хитроумных подсчетов Орвара и поэтому сказал:

– Не к чему мне эти заумные речи. Для меня они так же непонятны, как шум ветра или грохот прибоя.

Орвар махнул рукой и спросил:

– Кого ты задумал купить, Эрлинг-скальд?

– Рабыню.– Ответил я. – Ту девушку, что ходила за мной, пока я лежал в доме Рагнара.

Орвар сдвинул брови и крепко задумался. Потом спросил хмуро:

– Что ты думаешь с ней делать?

– Заберу с собой.

– Ты поступишь глупо, Эрливг-скальд. Есть немало способов получить женщину, не бросая серебро по ветру.

– Нет, Орвар.– Покачал головой я.– Ты не понял. Мне

нужна именно эта девушка.

– Неужто она опоила тебя приворотным зельем?

– Нет. Просто она мне приглянулась.

Фриз пожал плечами.

– Я хотел бы отговорить тебя, но, вижу, ты упрям, как вол.

Много ли у тебя серебра?

– У меня нет ничего. – Усмехнулся я.

– У меня есть полмарки, но этого мало. – В раздумье проговорил Орвар. – В другое время я бы попросил у Гудмунда, но сейчас он на меня сердит и, пожалуй, ничего не даст.

– Что же делать?

– Не знаю. Может, Вадим...

– Что Вадим? – Насторожился я.

И тогда будто бы нехотя Орвар рассказал мне, что задумал Вадим силой выгнать Хрёрека из Ладogi и потому обещал много серебра всякому, кто пойдет вместе с ним на битву. И с фризами он уже договорился,

– И что же? – Спросил я.

– Я не прочь проучить заносчивого Хрёрека и тебя хочу звать с собой.

Вот значит как. Не по нраву, стало быть, Вадиму делить Ладogu с заморским гостем. А Орвар всегда готов лезть в драку, даром что битым из нее выйдет!

И я сказал:

– Не пристало нам в чужую распрю лезть.

Орвар мне ничего не ответил, и разошлись мы с ним каж-

дый по своим делам.

Когда опускается на землю ночь, все замирает. Арвак и Альсвинн -могучие кони, влекущие по небу огненную колесницу солнца, уходят в свое стойло, чтобы передохнуть после дневных трудов. Ночью отдыхают и люди и боги.

Когда я поднялся по крутой тропинке к усадьбе, было темно и тихо. Но все же в эту ночь кому-то не спалось – там, над журчащим ручьем, где веселятся, купаясь в лунных лучах, зеленоглазые никсы, клонила неясная тень. Словно кто-то сидел над быстрой водою.

Сперва мне показалось, что это была Ингрид и я хотел обойти ее стороной. Но потом я узнал Сбыславу и подивился, что встретил ее тут. Я подошел к ней, а она, увидав меня, встревожено проговорила:

– Зачем ты вышел сегодня из дома, викинг? Твои раны могут открыться! Я сел рядом с ней на колючую сухую траву.

– Почему ты ушел, никому не сказав?– Не унималась девушка,– Я боялась, что по дороге с тобой может что-нибудь приключиться и некому будет тебе помочь.

– Так ты дожидаясь здесь меня?– Спросил я. Она смутилась и отвела взгляд.

– Я ходил к фризам.

Мы сидели, глядя на текущую воду, которая весело звенела, подпрыгивая на камнях.

– О чем ты думаешь?– Спросил я.

– О звездах,– Ответила девушка.– Они счастливы, потому что там, высоко в небе их не тревожат земные печали.

– Ты несчастлива?

Она пожала плечами и, сорвав с наклоненной ветки листок, бросила его в воду, и он поплыл, колеблясь в такт волне.

– Нет.

– Даже сейчас?

Сбыслава посмотрела на меня своими большими глазами и в них, как в колодце, отразились холодные искорки звезд.

– Мне грустно.– Сказала она, снова опустив голову.

Я протянул руку и осторожно коснулся ее пшеничных волос.

– Может быть, мне удастся прогнать твою грусть?

– Не надо.– Тихо проговорила Сбыслава.

Я отодвинулся от нее и стал смотреть как звезды играют в догонялки, прыгая с одной волны на другую. Потом я сказал:

– Я знаю, тебе плохо, потому что ты не свободна... Ты не говорила, но я все равно узнал.

Я видел, как девушка побледнела и как вздрогнули ее хрупкие плечи. Она не посмотрела на меня. Не смогла. Промычала побелевшими губами:

– Я не хотела, чтобы ты знал. Прости... Я пойду.

Я удержал ее за руку и сказал хрипло:

– Мне все равно, кто ты. И никогда не стану думать о тебе плохо. Девушка вздрогнула, и вздрогнула она оттого, что я

против своей воли произнес эти слова на языке славян.

– Ты знаешь мой язык?

– Твой язык – мой язык. Я не свеон и не фриз. Мой род жил среди поморских славян и сам я славянин, как и ты.

– Н не понимаю твоих слов, викинг. Когда я слушаю тебя, мне становится страшно.

И она замолчала. Я после понял – не поверила. И тогда я сказал вису:

Дева печали вяза
вепря попутного ветра,
не исчезай во мраке
злой и холодной ночи.
Ранила сердце скальда
липа дождя ладони,
власти ее предался
сшибки мечей вершитель.

Сбыслава еще долго молчала, а потом проговорила тихо:

– Там, далеко, за морем-океаном живет Лада, богиня любви... Ты веришь в Ладу, викинг?

– Зачем мне боги, – сказал я, – когда моя Лада здесь.

– Не говори так, викинг.

– Отчего же? Неужели викинг не может верить в любовь?

– Я знаю только одно: весной викинг уйдет в поход, и что

за дело ему, будет ли несчастная девушка-славянка, проливать слезы в разлуке. В походе он найдет много других женщин.

– Викинг не уйдет.– Твердо сказал я.

– Это ты только говоришь так. Твои драконы уже повернули свои головы в сторону страны северных богов.

– Мои драконы сгорели,– Проговорил я, глядя в синие глаза девушки, в которых отразилась бесконечная ночь, полная холодной тоски.

– Девушка-славянка не может любить викинга. – едва слышно проговорила Сбыслава.

– Не говори так, потому что викинг вдет другого ответа. Она вздохнула и отвела глаза.

– Я не могу тебе ответить иначе, северный гость.

Я осторожно, словно боясь спугнуть, обнял ее, но Сбыслава выскользнула из моих рук и побежала прочь. Я поглядел ей вслед и не стал догонять. А потом поднялся и медленно побрел к усадьбе, и ночь смотрела мне вслед глазами тысячи звезд.

Когда я возвращался, мне довелось увидеть еще кое-что.

Я шел к дому через темный двор и вдруг увидел в стороне возле конюшен мужчину и женщину. Мужчину я не мог рассмотреть, но зато готов был поклясться чем угодно, что женщина, стоявшая рядом с ним, была Ингрид. Я нарочно обошел их стороной, рассудив, что Ингрид стояла там с Харвар-

дом-ярлом. Попадаться им на глаза я не хотел. А напрасно. Иначе, узнав с кем ту ночь обнималась гордая дочь Рагнара, я, быть может, охранил бы себя от бесчисленных бедствий.

Боги давно привыкли к святотатству. Ведь святотатственна даже сама мысль о том, чтобы проникнуть своим разумом в их тайну, постичь их сокровенные замыслы, И кто знает, может быть я, никому не ведомый скальд, оскорбил их больше, чем кто-либо другой. Ведь я, недостойный даже коснуться подножия священных идолов, попытался разгадать извечные тайны богов.

Боги любят утолять вековую жажду кровью живых людей, и теперь ,под покровом глухих ночей, они готовили себе на заклание новую жертву, чтобы наконец промочить пересохшее горло.

Черные тучи обступили славный город Ладогу с того самого дня, когда вытащил на речной песок свои острогрудые корабли грозный Хрёрек-конунг. И с того самого дня все трепетали, ожидая чего-то, и ждали, и не могли дожждаться.

Слыхал я о том, что вновь собирались ладожане на тинг и говорили о том, кому отдать под защиту славный город Ладогу. И были на том тинге два великих вождя – Хрёрек-конунг и князь Вадим, и каждый из них силой своих дружин похвалялся, и не знали ладожане кого над войсками главой поставить. Долго бранились между собой Хрёрек и Вадим, и только мудрый Гостомысл, говорят, удержал их от поединка.

И кричали одни ладожане за Хрёрека, а иные – за Вадима, и не было между ними согласия. Сказывают, до того даже дошло, что собрались уже люди вовсе прогнать Вадима из города.

Долго спорили и на том порешили, что идти Хрёреку к своим вождям и говорить о союзе с Ладогой, а потом воротиться и ответ дать станет ли он, морской конунг, защищать страну Гардар. И обещал Хрёрек перед всеми, что придут они без ратей и с малым числом кораблей и не станут затевать войны и убийства.

После того я во второй раз пришел к Орвару и, когда входил на подворье, лицом к лицу столкнулся с Вадимом. И не было нужды спрашивать от кого он возвращался. Вот и думал я тогда, как понять все это, и не мог ничего придумать, и мучился от этого.

И после вспомнил я слова из той висы, что сказал мне как-то славный Тормунд:

В битве не струсит,
друга не выдаст
тот, кто звенящим
мечем опоясан...

И не знаю я теперь, кто из нас двоих – я или Орвар – первым предал побратима. Да только в тот раз, не раздумывая, я направился прямо туда, где в закатном тумане смутно об-

рисовывались хищные силуэты Хрёрековых драконов .

В тот вечер липкая – будто осенняя – сырость подкрадывалась к городу от реки, и с воды тянуло прохладой, благо на мне была теплая куртка на тюленьем меху. Я вышел на берег, окутанный белым плащом тумана, и остановился, почувствовав в холодном воздухе дымное дыхание костров.

– Кто тут?– Окликнул меня голос.

Навстречу мне, раздвинув темноту, вышел воин, закутанный в медвежью шкуру. В опущенной правой руке он держал копьё.

– Мое имя Эрлинг Тормундссон. – сказал я, подняв руку,– Я хочу говорить с твоим вождем.

Не помню, как оказался я возле кораблей и как Хрёрек-конунг вышел мне навстречу. Тогда-то я в первый раз увидел грозного властелина морских дружин, о котором только и говорили нынче по всей Ладогe.

Он был высок и ладно сложен, но по виду не скажешь, что богатырь. И я подивился тому – ведь воины всегда избирают себе вождем наисильнейшего. Хрёрек не был стар, но глубокие морщины пролегли по его лицу. А так -вряд ли ему могло быть больше зим, чем мне.

И еще я разглядел его глаза – светлые и прозрачные, как у рыбы.

Прежде чем я рассказал ему о коварных замыслах Вадима и о той великой беде, что раскинула крылья над его головой, Хрёрек спросил:

– Видел ли я тебя раньше? Мне знакомо твое лицо.

Когда же я напомнил ему о нашей битве с воинами Атле-ярла и о том, как он, Хрёрек-конунг, помог мне избежать гибели, он не сказал ничего, только брови сурово сошлись над переносицей. А потом он стал спрашивать о Вадиме и его помощниках и больше ни словом не помянул обо мне о об Атле-ярле.

До сих пор я думаю и все не могу взять в толк, зачем в тот вечер пошел я к Хрёреку. Может, верил еще, что остановлю Орвара, уберегу его от напрасной ссоры с опасным и сильным врагом. А, может, еще что...

Конунг слушал меня не перебивая и все кутался в подбитой мехом плащ, и морщины сильнее обозначились на его обветренном лице.

Потом он спросил:

– Почему я должен верить тебе?

– Я всего лишь скальд, а не прорицатель, – сказал я, – но думается мне, что солнце взойдет завтра не для того, чтобы озарить веселое пиршество. Над тобой простерлась черная тень, конунг. А верить или не верить мне – решай сам.

Так сказал я, в слепоте своей думая, что в ту ночь мне удалось подменить собою саму Судьбу.

Хрёрек долго молчал, и гирдманы стояли за его спиной, ожидая его ответа. Я же повернулся и пошел прочь, но не прошел я и десяти шагов, как Хрёрек окликнул меня. Он сказал:

– Если когда-нибудь боги отдадут этот город в мою власть, я не забуду тебя, скальд.

Так он сказал и, неслышно ступая, пошел к своим кораблям.

Не знаю, поверил ли Хрёрек-конунг моим словам, да только на следующий день призвал он к себе Рагнара и Харварда-ярла и долго с ними говорил. А потом Хрёрековы драконы растворились в густых туманах, что лежали на седых волнах великого Нева-моря.

А вечером случилось вот что.

В тот день Рагнар-хозяин угощал в своем доме самого Вадима, и все мы от души повеселились. Ингрид была здесь. Она сидела на коленях у Харварда-ярла, и он угощал ее из своего рога.

А потом все, кто там был, улеглись спать – иные, упившись до полусмерти, там же, где и сидели, другие разбрелись по боковушкам и оттуда доносился их богатырский храп.

Я же пошел к себе и, оттого что после выпитого пива мне сделалось жарко, отодвинул овчину, загораживавшую окно и высунулся наружу.

Луна светила холодным белым светом и если бы не это, я, пожалуй, ничего бы и не увидел. А тут – черная тень лежала поперек двора, выдавая присутствие человека. А был ли он один – кто знает.

Я решил посмотреть, что там, и вышел на двор. Я шел вдоль стены, прячась в ее тени, и тут же услышал, как залаяли

у ворот Рагнарковы волкодавы. А потом я едва не столкнулся с Ингрид, которая тоже шла вдоль стены, направляясь в дом.

– Что тебе надо?– Испуганно отступив назад, спросила девушка. Она была изрядно захмелевшая и яркий румянец горел на ее щеках.

– Ничего,– Растерянно проговорил я,– Мне показалось...

– Да ты пьян, Эрлинг-скальд. Если вдруг тебе покажется еще что-нибудь, будет лучше, если ты не станешь вмешиваться не в свое дело.

– Я видел тень во дворе.

– Правда?– мне показалось, что в голосе Ингрид послышалось беспокойство. – А что ты еще видел?

– Ничего. Зачем ты спрашиваешь?

– Не твое дело. Ступай спать и не броди по двору посреди ночи.

– Тебе ли говорить об этом?

– Хватит!

Она хотела было уйти, но я окликнул ее.

– Что еще? – Сердито спросила девушка.

Хмель, видно, совсем помутил мой разум. Я взял ее за плечи и притянул к себе.

– Хочу поговорить с тобой.

Мне показалось, она готова была уступить минутному порыву, но тут -словно холод заполнил все ее тело.

– Поздно нам говорить,– Отстранив меня, сказала Ингрид,– Слишком поздно.

Я хотел сказать еще что-то, да понял – напрасно. А Ингрид оглянулась зачем-то на темный двор и пошла прочь.

А о том, что делала она той ночью, узнал я после, несколько дней спустя.

Вскоре узнал я о том, что Орвар хотел купить у Рагнара-хозяина рабыню. Да не кого-нибудь – Сбыславу! Рагнар не уступил. Видно, думал я, захотел фриз помочь мне, да не вышло. Странно только, что мне он про то ничего не сказал.

А поведал мне о том все тот же отрок Борислав, что ходил на корабле у Хрёрека. В этот раз не ушел он с грозным морским конунгом, остался здесь, у Рагнара. Дел у него никаких не было, вот и совал он свой нос всюду. А меня его открытие немало озадачило.

Но еще больше задумался я после, когда, случилось вот что.

Как-то пришел я домой поздно вечером. От реки полз туман и, казалось, бревенчатые срубы сараев ежились от промозглой сырости. Собаки залаяли, почуяв человека, но, узнав своего, подбежали и стали лизать мне руки. Я потрепал по загривку моего любимого волкодава и пошел к конюшням. Мне показалась, что дверь сеновала открыта, и я подумал, что надо бы ее запереть.

Внутри было уютно, как в доме – хорошие были конюшни у Рагнара-хозяина. В стойло я не пошел, оттого что лошадей не любил. Постоял у двери и поднялся по приставной лест-

нице на сеновал. Не знаю, зачем я полез туда. Кажется, мне послышалось, будто там кто-то есть.

То, что я увидел наверху, было словно молния в темноте ночи. Будто повязка упала с моих глаз и мне открылось все то, что до сих пор скрывалось во мраке.

Женщина лежала в объятиях мужчины, разбросав по солومه свои золотые волосы. Мне не надо было присматриваться, чтобы узнать Ингрид и разглядеть, что рядом с нею был вовсе не Харвард-ярл! Я едва не свалился с лестницы, узнав Орвара.

Стараясь не шуметь, я спустился вниз и вышел на двор. Сперва я хотел запереть сеновал – пускай посидят до утра, пока рабы не придут кормить лошадей! Но потом я подумал, что не стоит этого делать. Ингрид не моя женщина, а что мне за дело до Харварда-ярла и его будущей жены!

Кровь викинга наполовину смешана с морской водой, но тот, чьи ноги приросли к твердой земле, быстро отвыкает от шаткой палубы, и боги перестают посылать ему удачу.

Жизнь викинга – в походе, там, где бушуют холодные северные ветры и стонут под их ударами каменные стены фиордов, там, где поют песнь победы звонкоголосые секиры и смерть собирает жатву с тюленьих полей. И так должно быть. Потому что викинг должен умереть в крови – павшему не от боевых ран нет места в чертоге Одина. Умерший в постели от болезней и старости навсегда попадает в мрачное под-

земное царство Хель. И пути назад оттуда нет. Потому что чудовищный пес Харм, всевидящий слуга смерти, сторожит дорогу в обитель мрака.

Но не место воину в этой стране.

В царстве подземном
не место мужчине -
ждет его Один
в светлой Вальхалле.

Кто знает, может, я и вправду слишком долго ходил по суше, и удача отвернулась от меня. Время от времени я думал о том, как бы вновь уйти с дружиной викингов в туманы северных морей и умереть, как умирают герои. Может, я и ошибался, полагая, что Хильд или Херья однажды унесут меня на своих крыльях в чертоги богов. Но я, викинг, не мог думать иначе. И Орвар тоже.

Орвар строил корабль для себя и своей дружины. Он еще не подыскал ему подходящее имя, хотя работа уже близилась к концу. Фризы запасали полосатые шерстяные паруса, укладывали их в сундуки, чтобы за зиму не побил моль, готовили весла и снасти к предстоящему походу. Думали они воевать до весны вместе с Вадимом против свеонов, а по весне идти назад, в северные земли.

Да только не судьба была Орвару выйти в море на том корабле. Ни в тот год, ни в следующий. Никогда.

Беда прилетела неожиданно, зашумев вороньими крыльями над славным городом Ладогой.

Когда с вековых дубов золотым дождем посыпались осенние листья, захворал вдруг старый Гостомysl. И пошли, поползли по Ладоге недобрые слухи, будто бы злые люди захотели его колдовством извести. И многие говорили тогда о князе Вадиме.

Орвар в то время все чаще стал заходить в терем и подолгу говорить с Вадимом. А о чем говорили они, не ведал никто. Я же никому не обмолвился о том, как сговаривались Орвар и Вадим против могучего Хрëрека, и как я помешал свершиться их черному умыслу.

Орвар же много о чем мне рассказывал. От него узнал я, что Гостомysl один мешал Вадиму всю власть взять, а как слег он, так поднял голову Вадим, стал собирать людей, чтобы войной идти против Хрëрека и тех, кто за него стоял. Да только и враги Вадимовы не дремали. Однажды грозовой ночью, когда буря бушевала так, словно гневные волны хотели раскачать вселенную, послали Злотолюб и Святомысл вестников к могучему Хрëреку со словами: "Приди, князь, в город наш и защити нас, а иначе быть беде великой!".

И стало тогда так, что заперся Вадим со своими людьми в тереме, а иные воеводы собрались под горой, в городе, и не было у них ладу меж собой. Собрались четыре тинга – один в крепости у Вадима, другой на теремной площади, а два других – в городе на торгу. И долго спорили и бранились,

но не могли придумать, что делать дальше.

А после стали ходить кругом недобрые слухи, что приносили заезжие купцы, будто Атле Змея и брат его Снио снова пришли на Нево-море и воевали теперь белозерских славян. И некому было против них выступить.

Тогда вновь послали ладожские воеводы послов за могучим Хрёреком. И будто бы обещал морской конунг выслать свои дружины против северных разбойников, а сам собрался идти в Ладогу и там с воеводами совет держать.

Вадим же о той уведал и созвал новый тинг и стал просить у ладожан войско. Да только не дали ему войска ладожане, а дружина его разбежалась. Собрал тогда молодой князь своих товарищей и пошел на Ильмень-озеро. И не думал я, что боги снова сведут их лицом к лицу – грозного северного конунга и изгнанного Вадема-ярла.

В те дни я больше пропадал в крепости, на подворье у фризов. Не хотелось мне идти в дом Рагнара, хотя никто меня оттуда не гнал. И не знаю, кого больше я боялся увидеть – Ингрид или Сбыславу.

Однажды я долго бродил вдоль частокола Рагнарова подворья, когда ко мне подошел Борислав.

– Что это ты, Эрлинг Тормундссон, здесь расхаживаешь? – Спросил он, лукаво щуря глаз. – Отчего в дом не заходишь? Давно ведь мы тебя не видели!

– Кто это – мы?

– Ну, я. – Отрок снова хитро усмехнулся. – Да и другие

еще. Сбыслава, к примеру.

Я вздрогнул и кинул на Борислава сердитый взгляд.

– Не гневайся, Эрлинг-скальд. Ведь вижу я, что и сам ты хочешь ее увидеть.

– Послушай,– быстро заговорил отрок,– хочешь, нынче же я приведу ее к тебе?

– Нынче?– Я поднял на него удивленный взгляд.

– Подожди здесь.

Отрок лукаво подмигнул и скрылся за воротами.

Я не очень-то верил, что Сбыслава и впрямь выйдет ко мне. Сел на камень, подставил лицо осеннему солнцу и стал ждать.

Она все-таки вышла. Не знаю, чего там наговорил ей Борислав, только обо мне, видно, не сказал ничего. Сбыслава прямо растерялась, увидев меня, а потом подошла ближе и спросила:

– Ты зачем здесь?

– Тебя жду.

– А кто сказал тебе, что я выйду?

Я перевел недоумевающий взгляд на Борислава, спрятавшегося за спиной у девушки, потом на корзинку в руках Сбыславы.

– Куда ты идешь?– Спросил я.

– К реке. Несу поесть рабам, что пасут там коз. Я помешкал мгновение, а потом твердо сказал:

– Я пойду с тобой.

Сбыслава бежала впереди, и ее тонкая фигурка легко скользила вниз по крутой тропинке. Я отдал свой меч Бориславу и поспешил за ней следом.

Я догнал девушку, когда она уже спустилась к реке и остановилась в тени задумчивых ив, любуясь своим отражением. Я подошел и, став, рядом, тоже глянул в темную воду.

Омут манил в свои прохладные объятия, и я вдруг вспомнил – с чего бы вдруг -как бьется седая морская волна о черные бока кораблей-драконов, и как под звуки боевых труб весла гонят впереди себя белоснежную пену – словно из мутной глубины выплыл ко мне тот день, когда наши струги начали свой путь через морские просторы, где властвуют Ран и Эгир.

Но то была другая вода, бурная и соленая, такая же синяя, как небо, или седая, как грозовая туча. И я вдруг понял, что тоскую по морю, что снова хочу услышать скрип весел в гребных люках, стон ветра в парусах и крики чаек, вещающих бурю.

Я отвернулся от воды и побрел по берегу вслед за Сбыславой, которая весело смеясь, бежала впереди. И поневоле я сам поддался ее веселью, радостно окунувшись в яркие потоки солнечного света.

Я догнал девушку, и мы пошли рядом, и когда я взял ее за руку, она не противилась. Только улыбнулась и отвела взгляд.

Отрок плелся где-то позади, волоча мой меч, но я совер-

шенно забыл о нем, упиваясь ароматом счастья, разлитым в теплом осеннем воздухе.

– Почему я долго не видела тебя?– Спросила Сбыслава, когда мы миновали крутые обрывы.

– Не знаю. Я не думал, что ты захочешь говорить со мной.

– Я ждала тебя, викинг.– Оказала девушка, остановившись.

Я все не мог поверить, что это сказала она. И я взял ее за плечи, потянул к себе. Сбыслава не сопротивилась. Но тут появился Борислав. Он шел, насвистывая что-то себе под нос, и сбивал ножнами меча колючие головки чертополоха. Не мог потеряться где-то по дороге, свистун проклятый!

Сбыслава отступила от меня и мы пошли дальше. Девушка все молчала, глядя в землю, а поток – уже не весело, а как-то нехотя – сказала:

– Орвар хотел купить меня у Рагнара.

– Я знаю.– Ответил я спокойно.– Я просил его. Сбыслава подняла на меня удивленный взгляд.

– Я думала он хотел купить меня для себя.

– Нет. Я сам ходил к Орвару и просил у него серебра. Но сперва у него денег не было, а после, видно, он решил мне помочь.

– Разве?– Девушка пожала плечами. Я не понимал ее. Или не хотел понять.

– Что ты говоришь, глупая.

– Может быть, я и глупая, да только Орвар приходил тор-

говаться за меня с Рагнаром и сулил ему пять марок серебра.

– Пять марок?!– Я чуть не подавился этими словами, настолько велика была эта цена.

– Не знаю, много ли это, да только Орвар готов был отдать это серебро, чтобы забрать меня к себе.

– С чего ты взяла?

– Он сам сказал мне об этом.

Вселенная покачнулась, и в глазах у меня потемнело. Виданное ли дело так обвести меня? Неужто и впрямь Орвар затевал недоброе у меня за спиной? Не мог я в это поверить, но и не верить не мог.

Воистину, каждый из нас подобен человеку, бредущему во мраке с горящей головней в руках. Он видит только то, чего достигает свет, остальное же кроется в темноте. Когда же молния разрывает ночь на куски, взору его порой предстают страшные картины.

Сбыслава между тем говорила о том, как отказал Рагнар Орвару, потому что она – рабыня Ингрид. И пошел Орвар говорить с Ингрид, и все не знал, как к ней подойти. Долго уговаривал он гордую дочь Рагнара, а потом та рассердилась и прогнала его прочь. Разругались они и ушел фриз, унеся злобу в своем сердце. С тех пор перестал ходить он в дом Рагнара.

Стиснул я кулаки – да делать нечего. Женщина она и есть женщина – все на нее смотрят. А если она еще и рабыня, так тут вдвое хуже. И никак с такой бедой не поборешься.

Я не стал говорить о том со Сбыславой, и Орвару после тоже ничего не сказал. Только ждал, что будет дальше и молча готовился встретить беду с мечем в руках.

В ту ночь мне снились нескончаемые потоки мрака, затопившие всю вселенную, и было в моем сне все не так – словно вдруг очутился я в подземном царстве смерти. В реках вода там текла черная, трава на лугах колыхалась черная, по берегам лежал черный холодный песок, черный ветер беззвучно раскачивал черные деревья и на черное небо ползли черные грозовые тучи.

Проснулся я от предчувствия страха. Что-то незримое летало в воздухе, наполняя его ощущением чьего-то невидимого присутствия, и черные тени встали у меня за спиной. Я потрянул головой, сгоняя остатки сна и неясных видений, но ощущение того, что нечто важное должно вскоре произойти, не оставило, меня, не растворилось в сиянии утра. Тени не ушли – они просто стали меньше, притаились в углах, спрятались от солнечного света.

Прежде я слышал от мудрых людей, что порой боги даруют скальдам способность предвидеть будущее. И теперь я чувствовал, я видел – но что это было, не мог сказать. Один позволил мне лишь пригубить из чаши с медовым напитком. Я научился слагать песни, но не умел их толковать. Я ощущал за спиной черную пустоту – немую и бесконечную. И я

вдруг понял, что позади меня стояла смерть.

Она была, повсюду – я чувствовал ее запах. Она таилась во всех углах, висела под потолочными балками, черными тенями лежала на полу.

Я встал, стряхнул приставшую к одежде солому, и пошел в крепость, надеясь скрыться, убежать от преследовавшего меня мрака. Но духи черного мира летели за мной по воздуху, не отставая от меня ни на шаг. И хотя от небесной колесницы разливалось животворное тепло, мне было холодно, словно я окунулся в речной омут. Смерть была рядом, однако я не ведал за кем она пришла.

А потом я увидел наглухо затворенные окна терема и мне вмиг открылось зачем духи смерти покинули в то утро свою ледяную страну. Они явились с полей вечного мрака, чтобы унести в обитель старухи Хель душу Гостомысла.

Я собрал воедино все свои силы и вошел в терем. Смерть вошла вместе со мной и я сам отворил ей двери.

Озарение, сошедшее на меня, не было лживым сном. В то утро старый Гостомysl так и не поднялся со своей постели. Почувствовав неодолимую слабость, старейшина велел своим волхвам приготовить целебный напиток. Но, выпив колдовского зелья, он все равно не нашел в себе сил откинуть тяжелое меховое одеяло. Может, Гостомysl и сам уже понял, что едва солнце закатится за край земли, пламя его жизни угаснет? А, может, я один знал наверняка, что не успеют еще небесные кони отвезти в стойло свою колесницу, как

померкнет на небе звезда Гостомысла.

Но даже я не ведал о том, что прежде чем луна успеет родиться заново, погаснет еще не мало звезд, чтобы освободить место для сияния новой звезды!

Я не стал ждать у Гостомысловых дверей, считая мгновения его жизни. К чему? Я-то ничего не мог изменить.

Я пошел прочь от терема, чтобы хоть ненадолго согнать черную тень со своего чела. На дворе, около ворот я увидел Орвара. Я обошел его стороной, и он меня не заметил.

Я вышел к реке и, забравшись в тень, сел на большой камень, и сидел так, провожая взглядом воду, бегущую под косягом. Не знаю отчего просидел я так целый день до заката, думая о старом Гостомысле. Я не видел, что происходило там, в тереме, где смерть дожидалась своего часа. Я ушел, убежал прочь оттуда, но предчувствие беды не оставляло меня. Ум мой терялся в догадках, напрасно пытаюсь проникнуть в грядущее дальше Гостомысловой смерти. Мысли мои натывались на глухую стену и возвращались ко мне черными воронами. Нет, еще не время!

Когда же западный край неба окрасился в кровь, из города прибежал Борислав. На мой вопросительный взгляд он ответил только одним коротким словом:

– Умер.

И мне приводилось, как у корней мирового дерева сидит вещая норна Скульда и, разматывая священную пряжу, поет погребальную песнь:

Мотайся с клубка нитка!
Мотайся без узлов!
Близок конец дороги,
и час отдыха наступает...

Я не хотел возвращаться в город, не хотел видеть угрюмые лица людей и слушать их бесконечные споры. А что за дело мне до всего этого? Хоть огнем стори он, этот славный город Ладога – я о нем, поди, и не вспомню! Мне, чужанину, он вовсе ни к чему.

Может, и просидел бы я так всю ночь до утра, если бы не случилось вот что.

В стелющихся по траве сумерках мне показалось, я разглядел человека, крадучись пробиравшегося к лесу – будто он не хотел, чтобы его заметили. И еще мне показалось, что человек этот был Орвар. До него было никак не меньше двух перестрелов, и я не мог бы поручиться, что глаза мои не солгали. Я захотел проверить верна ли моя догадка и пошел напролом через лес, думая, что пока неизвестный взберется наверх по крутому склону, я опережу его и выйду навстречу.

Но я никого не нашел, напрасно блуждая от куста к кусту, царапая руки о колючие ветки.

– Орвар!!! – Крикнул я, надеясь, что фриз отзовется.

– ...вар...вар...вар...вар... – Эхом ответил мне лес.

Я побродил еще немного и остановился, подумав, что я

ошибся или же Орвар – если это и впрямь был он – отправился в дом Рагнара провести ночь с красавицей Ингрид.

Я бы повернулся и пошел своей дорогой, если бы впереди между елями не качнулась вдруг неясная тень. Я взялся на всякий случай за нож, не зная еще зверь или человек притаился в густых ветвях. А то ведь прыгнет вдруг на спину дикая кошка и вцепится в шею острыми зубами. А там и конец!

Но вместо кошки я увидел Сбыславу и едва не вскрикнул от удивления.

Она сперва меня не узнала и, видно, испугалась, а разглядев, кинулась ко мне так, будто за нею гнался волк.

– Что ты делаешь здесь в такой час?– Спросил я.

– Он...– Только и смогла выговорить девушка, махнув рукой,– Там...

– Кто?– Не понял я. И крикнул в лесную чащу: – Эй!

Лес не промедлил – отозвался гулким эхом, и эхо разбросало по сторонам осколки моего голоса. А потом мне почудилось, будто где-то близко зашуршали, захрустели ветки. И опять все стихло.

– Кто это был?– Спросил я.

– Я ходила набрать грибов,– все еще испуганно оглядываясь, проговорила девушка,– и не заметила, как стемнело...

Я обнял ее, прижал к себе, пытаюсь унять колотившую ее дрожь.

– Орвар...– Немного придя в себя, сказала девушка.– Он

гнался за мной, а потом вдруг пропал...

– Орвар?!– И вмиг понял, что глаза меня не обманули. Сбыслава как-то виновато улыбнулась и всхлипнула.

– Не бойся.– Я усадил ее на мягкий мох, устилавший землю, и сел рядом.

– Вдруг он здесь?– Огляделась Сбыслава.– Мне страшно.

– Не бойся,– проговорил я, мягко коснувшись губами ее щеки.

Она не вырвалась, не убежала – доверчиво склонила голову мне на плечо. Я погладил ее по золотым волосам и привлек к себе.

И тут же лес со всеми его шорохами и звуками отступил куда-то в глухую ночь, и даже всевидящее око луны скрылось за пеленою облака.

Мы не говорили ничего друг другу, ибо все уже было сказано. Я склонился к губам девушки, и все слова заменил долгий и жаркий поцелуй. К мир исчез, растаял, утонул в ночной темноте. Я не видел ничего – только эти синие, как небо, глаза, и маленькие алые губы на почти детском лице, и рассыпавшиеся в беспорядке волны золотистых волос, насквозь пропитанные ароматами трав и цветов. И я целовал эти глаза, губы и волосы, и хотел только, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

Девушка не говорила ничего – только зажмурилась, будто от страха – и не противилась мне. Но и не отвечала на мои поцелуи – замерла, как неживая. А я целовал ее тонкую шею

к вздрагивающие плечи, и никто не мог мне помешать. Потому что даже всемогущие боги бессильны там, где правит любовь!

Рассвет застал нас неожиданно, незаметно подкравшись и глянув на нас поверх вершин дремлющих в мутной полумгле вековых дубов. Не знаю, спал я или не спал, только помню, что ясно видел поляну и обступавшие нас деревья. Между плотно сдвинутыми стволами еще дымился туман, белый, как молоко, и густой, как свалявшаяся овечья шерсть. Но сквозь этот туман, зажигая его неясным призрачным светом, пробивался уже первый луч зари.

И вдруг он засветился ярким золотистым сиянием, словно бы раздвинув могучие плечи дубов-великанов, и в этом сиянии я увидел девушку. Она была стройна и высока, широкий пояс стягивал ее светлое платье и распущенные волосы змеями ползли по плечам. Я даже разглядел лицо – ослепительно прекрасное, покрытое невидимой тенью безмолвной печали.

– Священная нить разматывается и клубок становится все меньше. Помни об этом, скальд!– Сказала она, и голос её звучал не громче, чем шорох ветра в багряной листве дубов.

Я хотел заговорить, но уста мои были скованы, словно на них лежало заклятие. А девушка продолжала:

– Я пришла указать тебе путь богов, скальд.

И тут я увидел, что, хоть она и обращалась ко мне, губы ее оставались сомкнутыми, и я оцепенел, вдруг поняв, что со

мною говорила сама Судьба. А девушка между тем сказала так:

Скальд, поднимайся,
утро сияет!
Близится время
встречи валькирий.
Фрейр поединков,
славой могучий,
к цели стремится
дорогой лососей!

– Старый вождь отправляется в свой последний путь.–
Продолжала она. -Близок час беды. Неужели не достигает твоих ушей громовой гул? Неужели ты не слышишь, как стонет и кипит вода под могучими ударами весел? Боги севера посылают тебе испытание. Прощай, скальд. Слышишь, поет труба? Поспеши, ибо это голос драконов моря!

И тут же все поплыло перед моими глазами, сливаясь в семицветной туманной круговерти.

В тот же миг я очнулся, потому что меня разбудил громкий звук боевого рога. Хотя, может быть, я спал, и этот звук пришел ко мне из глубины моего сна.

Я сел. Туманный лес, медленно просыпаясь, наполнялся птичьими голосами, и солнечные лучи, золотыми клинками пронзая листву, вспыхивали яркими искрами в капельках

росы. Рассвет еще дремал, лениво потягиваясь на мягкой постели из меховых облаков, но призраки ночи уже попрятались в тень, спасаясь от разлитого им яркого сияния.

Сбыслава спала, завернувшись в мой плащ, и волосы ее были влажными от росы.

Какая же она была красивая!

Но не успел я додумать эту мысль до конца, как утреннюю тишину всколыхнул хриплый и тяжелый звук трубы. И это был не сон!

Тогда что же? Может, заблудившийся охотник подзывает к себе своих собак или одинокий путник шлет весть о своем приближении?

Нет, этот звук не был похож на мелодичное пение славянских рожков и свирелей. Теперь я мог бы поклясться всеми своими богами – это поет на палубе корабля-дракона боевая труба викингов!

Я разбудил Сбыславу и велел ей собираться. Девушка, похоже, плохо понимала, что происходит, но не спорила. Спросила робко:

– Что будет теперь со мной?

– Пойдем, – Сказал я, спешно цепляя к поясу меч.

Сбыслава покорно встала. Я взял ее за руку и потащил за собой, и она, принужденная почти бежать, спотыкалась на каждом шагу. Когда лес кончился, я остановился и сказал:

– Тебе лучше вернуться в дом. Я заберу тебя после.

– Нет! – Испуганно вцепилась в мой рукав девушка. – Я

пойду с тобой.

Я не стал с ней спорить и зашагал к берегу, откуда вновь хрипло и натужно прокричала труба. Пусть никто не скажет, что когда все спешили к месту битвы, Эрлинг Торmundссон бежал в другую сторону!

Медленно колыхаясь в сыром воздухе, синеватые волны тумана стекали по крутому берегу к реке и таяли под лучами рассвета. А над озером, где туман расползлся над водой, словно жидкая каша, колыхались, проткнув дымно-белую пелену, острые шпили кораблей.

Корабли были еще далеко, но я мог пересчитать их по верхушкам мачт, поднимавшихся над волнами тумана. Двадцать шесть! А не идут ли следом другие – кто знает!

А когда туман рассеялся, я увидел и город Ладогу на другом берегу, и Рагнарнову усадьбу у себя за спиной, и один за другим входящие в реку боевые снечки северян.

Я глядел с высокого обрыва на идущие корабли, и сердце мое бешено колотилось.

Впереди, разрезая грудью волну, шел дракон непобедимого Хрёрека. Я сразу узнал его по расцветке – весь белый, словно лебедь, только вдоль бортов протянулась кроваво-красная полоса. А за ним, подгоняемые широкими взмахами весел, плыли остальные, и у каждого на штевне скалилась голова чудовища, и крышки гребных люков были подвешены к бортам, как во время битвы.

На ладожской пристани уже толпился народ и блесело железо. Где-то в городе что есть духу колотили в медные била, где-то на берегу уже что-то горело. А потом показались лодки, доверху наполненные вооруженными гребцами, и поднятые вверх копыя взблескивали в солнечных лучах холодным смертоносным блеском.

Я оглянулся. От Рагнаровой усадьбы тоже спешили люди – человек двадцать – все при оружии и Харвард-ярл вместе с ними.

Я ждал что же будет дальше, к предчувствовал битву, и жалел, что не смогу принять в ней участия. Я не мог хорошо рассмотреть что там творилось внизу на реке. Видел только, как драконы Хрёрека замедлили свой стремительный бег и их борта ошетинились блеском остроконечных копий. И тут же славянские лучники выпустили по ним целый рой стрел.

Лук – не оружие для викинга. Стрела слепа и летит наугад, так что пославший ее редко видит достигла ли она цели. Другое дело меч или секира. Сойтись грудь в грудь – так, чтобы видеть ненависть в глазах противника и слышать тяж едой шум его дыхания; и рубиться – вкладывая в удар всю силу, и чувствовать, как трещат и ломаются его кости под напором смертоносного железа. Потому-то я и думал, что не станет Хрёрек сорить понапрасну стрелами – ведь славянские лучники к току же стреляли гораздо точнее северян. Я ждал когда снеки морского конунга вплотную подойдут к пристани и завяжется кровавый бой не на жизнь, а на смерть!

Но Хрёрек отчего-то медлил. Его люди зажгли сухие камыши и драконы теперь прятались от славянских стрел за стеной белого дыма. А потом они двинулись к берегу – но не к тому, где стояла славная Ладога, а к другому, на котором был я. И этого понять я не мог.

Славянские лодки попытались загородить путь пришельцам, встав между берегом и их кораблями, да не тут-то было. В густом дыму сошлись они грудь в грудь – и завертелось!

Я видел, как корабль могучего Хрёрека с разгону налетел на одну из лодок и опрокинул ее, и воины стали тонуть в мутных волнах, и викинги добивали их ударами весел.

А потом все вдруг стихло и железо перестало звенеть. Лишь трещал догорая камыш да плескалась золка, колыхая на синих ладонях сломанные копейные древки да обломки славянских щитов.

Я все ещё не верил, что Хрёрек только показал свою силу, но не стал входить в город огнем и мечем. Недолго думая, я побежал вниз по склону, поднимая целые тучи песка, туда, где свирепо скалили пасти Хрёрековы драконы.

Хрёрек стоял спиной к берегу, лицом к своим кораблям, поддерживая правой рукой знамя своих предков. Слева и справа от него, замерев в суровой неподвижности, стояли его щитоносцы. Харвард тоже был здесь и что-то говорил, указывая на другой берег.

Я остановился позади них и услышал, как Харвард сказал: – Ты напрасно взял с собой мало людей, конунг. Венды не

так слабы, как ты думаешь.

– Мои воины в пути,– Проговорил Хрёрек,– Я не мог дожидаться дольше, оттого что Вадим уже собрал свои рати и посуху двинул их на город. Если я договорюсь с вендскими ярлами сегодня, то завтра мы не пустим Вадима в Алдейгюборг.

Харвард с сомнением покачал головой.

– Выстоим ли?

– Мои корабли подойдут завтра на закате.

– А если битва будет раньше?

– Битвы не будет.– Твердо сказал Хрёрек и, кажется, усмехнулся. А потом он обернулся назад и увидел меня.

– Ты ли это, скальд?– Молвил он, щуря левый глаз.

– Привет могучему Хрёреку,– Сказал я.– Да пребудут с тобой Девы Побед! – И я приветствую тебя, скальд. Ты помог мне в прошлый раз, и я не забыл о твоей заслуге.

Харвард удивленно посмотрел на своего вождя, плохо соображая, в чем дело. А Хрёрек продолжал:

– Может, и сегодня ты скажешь мне чем закончится мой поход? Не знаю отчего, но в голосе его мне почудилась насмешка и я ответил так:

– Я всего лишь скальд и не владею гальдрой. Если ты хочешь услышать пророчество, то лучше обратись к дроттам или вещим валам.

– Отчего сердит ты и невесел, Эрлинг Торmundссон?– Хрёрек впервые назвал меня по имени.– Неужели боги яви-

ли твоему взору огненные руны, в которых ты прочел предсказание моего конца? Неужто девы-валькирии уже летят следом за мной, чтобы унести мою душу в Вальхаллу?

Я отвернулся и сказал негромко:

– Не нужно быть провидцем, чтобы сказать: будет много мертвых. Валькирии уже слетелись, чтобы забрать на небо их омытые кровью души – порой мне кажется, что я слышу зловеший шум их черных крыльев.

– Кровь уже пролилась.– Хмуро проговорил Хрёрек и усмешка сбежала с его лица

– Но ее будет еще больше, конунг.– Сказал я.

Хрёрек помолчал недолго, а потом произнес:

– Я хочу поговорить с тобой после, скальд. Ступай в дом Рагнара и жди меня там.

Между тем с реки звучно пропела труба, и лодка с восемью гребцами быстро подошла к нашему берегу. В этой лодке, выпрямившись во весь свой богатырский рост, стоял воевода Станимир.

Узнав его, Хрёрек медленно пошел к берегу и остановился у самой воды. Он ждал, что воевода сам выйдет к нему, но лодка замерла шагах в десяти от мелкого места. Видно, Станимир вовсе не собирался причаливать.

– Приветствую тебя, Стейнмар-ярл.– Проговорил Хрёрек, приложив правую руку к сердцу.

– И тебе привет, гость незванный. – Недружелюбно отозвался воевода.

– Как же так? Ты и твои люди сами позвали меня, потому что донимают вас свеоны, а ваш князь Вадим на вас же войной идти собирается.

– Мы просили тебя послать рати против свеонов и придти к нам самого. Что ж ты, князь, свое слово не держишь?

– Слово свое я держу, – Молвил Хрёрек. – Я прогнал свеонов и пришел к вам, потому что ярл Вадим грозит славному городу Ладоге. Я полагал, что его рать преградила мне путь. Но потом я увидел, что мне противостоят твои доблестные воины, и немедленно прекратил битву.

Станимир не стал спорить. Сказал хмуро:

– Мы звали тебя против свеев, а не против Вадима. Твои люди не должны вступать в наши дела.

– Мои люди останутся здесь до тех пор, пока наш спор с Вадимом не решится окончательно. Я же войду в город с малой дружиной.

– Лучше будет, если вы все останетесь здесь, около своих кораблей.

– Не очень-то ты гостеприимен, Стейнмар-ярл. – Усмехнулся Хрёрек.

– Ты сам в том виновен, северянин. Не забыл еще ладожский люд, как ты со своими людьми приходил сюда воевать Лютбарта-князя.

– У меня с вами мир, и слово мое крепко.

– Жди здесь ответа наших воевод. – Сказал Станимир.

Хрёрек долго молчал, потом сказал холодно:

– Ты глуп, Стейнмар-ярл, хотя голова твоя и убелена сединой. Если бы я хотел взять на щит этот город, разве стал бы я дожидаться рассвета? Нет, венд, я явился бы в твой город так, как прежде доблестный Олаф вступил в Себорг – ночью, при свете пожара!

Так он сказал и рассмеялся хрипло, словно издевался. А потом, когда Станимир ушел восвояси, Хрёрек оборвал смех и велел своим людям ставить шатры.

Между тем с озера нанесло большую дождевую тучу, и как-то вдруг по-осеннему незаметно без грома и молнии посыпалась на землю холодная морось дождя.

Я сидел на подворье у Рагнара и смотрел как Харвардовы люди, укрывшись под широким навесом, чистили оружие. Огромные волкодавы крутились около них, выпрашивая подачку, и кто-нибудь из сидящих время от времени бросал им кость.

Хрёрек и Харвард сидели тут же на бревне и каждый держал в руке рог, наполненный пивом. Я сел рядом с ними. Дождь стучал по навесу, тяжелые капли падали на землю и разбивались, мешаясь с пылью.

Поворотившись ко мне, Хрёрек сказал:

– Я хочу позвать тебя на пир, скальд.

Я оторопел и смотрел на конунга недоумевающим взглядом. А тот продолжал:

– Ты смелый человек. Кроме того, ты предупредил меня об опасности. Я хочу звать тебя к себе в дружину.

Я прямо задохнулся, услышав такое.

– Не ослышался ли я, конунг?

– Я зову тебя в дружину, скальд.– Повторил Хрёрек. – Ты помог мне, и я хочу наградить тебя.

Тут в голову мне пришла одна мысль, и я сказал:

– Сделай милость, конунг, поговори с этим человеком,– тут я указал на вышедшего из дома Рагнара,– о моем деле.

– Каково же твое дело, скальд?

И тогда я единым духом выложил ему все о Сбыславе и стал ждать. Хрёрек слушал молча, а потом сказал:

– Думаю, Рагнар-хозяин не станет противиться.

Я уже было возрадовался, но тут подал голос сам Рагнар.

– Конунг,– сказал он,– рабыня стоит денег. Не думаю, что у этого человека они есть.

– Мы договоримся с тобой,– Усмехнулся Хрёрек.– Завтра. А пока зову всех сегодня на пир на мои корабли.

– На пир?– Удивился Рагнар.– С чего бы?

– Нынче к вечеру я буду дожидаться вендских послов.

– Но ведь завтра мы пойдем против Вадима.

– Верно,– Усмехнулся Хрёрек.– Только прежде надобно сделать так, чтобы венды сами попросили меня защитить их от Вадима. Потом он повернулся ко мне и сказал:

– Приходи сегодня вместе со всеми. А завтра заберешь свою девушку. И в первый раз за много дней сердце мое забилось не от тревоги, а от наполнившей его радости.

Сбыславу я нашел на берегу, когда туча, стряхнув с себя последние капли, ушла за горизонт. Девушка сидела на камне и плела венок из длинных сухих травинок. Она как-то странно посмотрела на меня и отвела взгляд.

Я видел ее печаль, и потому не стал медлить: рассказал все как есть о Хрёреке-конунге и его обещании. Она сперва не поверила, но потом я поклялся, что завтра заберу ее из дома Рагнара, и радость вернулась к ней.

– А Орвар? – Вдруг спросила девушка.

– Орзар, конечно, был моим другом, но он сам виноват, что мы с ним на разных кораблях.

И тут я подумал о священном обычае викингов, который я ныне нарушил, отступившись от своего побратима. Хотя кто знает – не он ли первый замыслил зло против меня?

Сбыслава радовалась, как ребенок, а потом вдруг весело закричала, указывая на посветлевшее небо:

– Смотри! Смотри! Там радуга!

Я поднял на девушку изумленные глаза и спросил удивленно:

– Отчего ты радуешься?

– Да посмотри же, как красиво!

Я поднял глаза на небо. И вправду семицветная дуга ко-ромыслом выгнулась над притихшим лесом, одним концом упираясь в ладожский берег, а другим уходя за серые облака.

– Радуга – это хорошо. – Сказала девушка, не отводя глаз от сияющей в небе дуги.

– У нас по-другому, – покачал я головой, и радость мою как ветром сдуло. – Это недобрый знак. Радуга – это небесный мост, по которому души павших в бою уходят в Вальхаллу. Ее появление предвещает смерть.

Викинг отправляется в свой последний путь на корабле, славянин – на санях. Вот и Гостомысла тоже положили на сани и повезли за город – туда, где спали вечным сном другие славянские вожди. Я не пошел смотреть – не видел ни долгого погребального обряда, ни богатой тризны, ни того, как вырос над рекой еще один круглый, как шлем, курган.

Идущий в царство теней, да будет светла твоя дорога!

Я пошел в крепость, чтобы забрать евши нехитрое пожитки, а по дороге встретил Орвара, который спешил куда-то, пряча лицо за краем плаща.

Я не ведал, куда ходил Орвар в тот вечер, только на подворье он воротился нескоро и очень злой. На меня он даже не посмотрел. Я спросил его, слышал ли он, что ладожане хотят договориться с Хрёреком. Фриз ничего не ответил, только взглянул на меня пристально, и отвел взгляд.

А потом он позвал Колгрима, и они долго говорили, только я не слышал о чем. Гудмунда и еще два десятка торговцев Орвар куда-то отослал.

Когда Колgrim ушел, Орвар сел на груды шкур, служившую ему постелью, и лицо его было черно, словно грозовая туча. Я не решился спросить его о чем он думает и занялся

починкой старого щита,

– Чинишь щит?– Спросил фриз.

– Хрёрек зовет меня к себе,– не поднимая глаз, сказал я.

– Ты пойдешь?

Я отложил работу и глянул ему в лицо.

– А ты как думаешь?

Орвар скривил губы в ухмылке и проговорил:

– Ступай. Я же пойду до конца, потому что люди Хрёрека убили Тригвальда, и я не могу забыть о мести,

– Люди Хререна? – изумился я.– Но ведь то был Атле и его люди!

– Атле – его человек. Конунг послал его напугать ладожан и затеять с ними ссору.

– Зачем?

– Зачем? Затем, чтобы они его, Хрёрека, себе на помощь позвали. А знаешь ли ты, что завтра Атле будет здесь со своим братом Снию, чтобы вместе с Хрёреком ударить на Вадима?

Все сжалось во мне, когда я понял коварный замысел Хрёрека. Вот ведь как обманул он славян и поссорил их с князем Вадимом! Я ведь думал, что доброе дело он пришел совершить, оборонить от врагов город Ладогу!

Но обо всем этом я смолчал и сказал так:

– Ты помогаешь Вадиму захватить Ладогу. Мне это не нравится.

– Отчего же?– Зло усмехнулся фриз.– Я слышал, будто бы

ты и сам венд, как и Вадем-ярл!

– Это тебе Ингрид сказала? – Вздрогнув, спросил я. И, видно, попал в большое место.

Орвар сильно побледнел и отошел от меня прочь.

А потом ко мне подошел Гуннбьорн будто бы для того, чтобы попросить нож. Он сделал вид, будто роется в мешке с припасами, а сам сказал вполголоса:

– Хрёрек пирует сегодня в лагере. В доме Рагнара осталось лишь шестеро вооруженных людей... Орвар об этом знает.

И, сказав так, Гуннбьорн поспешил уйти. Я же задумался над этими словами, и от черных мыслей мне стало нехорошо.

Между тем городской шум за окном давно стих, а Орвар все сидел, подперев голову руками, а лицо его с каждой минутой становилось все спокойнее, словно бы он постепенно утверждался в каком-то решении.

Наконец он встал и, постояв некоторое время, нагнулся и достал из-под мешков свою Херью.

Не знаю о чем еще говорил Орвар со своими, только выйдя из своей каморки, я обнаружил, что на подворье не осталось ни единого человека из морской дружины торговцев. Заглянув во все углы, я убедился, что фризы ушли и взяли с собой оружие.

Мне не нравились тайны, окружавшие Орвара, и я решил пойти за ним следом. Я отложил щит – на сегодняшнем пути

он мне вряд ли понадобится, опоясался мечем и, подумав, прихватил еще кинжал – подарок Орвара.

Вечерняя прохлада накатила на меня прозрачной волной, едва я растворил дверь. Умытые дождем деревья встретили меня настороженным шепотом, а воздух был чист, как кристалл, и, казалась, чуть слышно звенел, словно арфы невидимых скальдов.

В другое время я радовался бы, окунаясь в прозрачный сумрак ночи, когда ярко светит круглая, как щит, луна, и ветер чуть слышно напевает что-то в вершинах дубов, и звезды пьют аромат дождя. Но я не чувствовал дыхания ночи, не видел медного лунного диска, не слышал пения пьяных от аромата осени сверчков. Я вышел со двора и быстро пошел к реке.

Я шел задворками, избегая встреч с людьми и все ускоряя шаг. И луна, словно желтый глаз дракона, провожала меня пристальным взглядом. Орвар мог уйти только в сторону реки – так думал я.

И я не ошибся.

Через некоторое время я увидел фризов. Они были там, внизу, у воды, и оружие тускло взблескивало в свете луны при каждом их шаге.

Глинистый берег осыпался под тяжелыми сапогами, но я быстро спустился по крутой тропинку к реке. Под конец я оступился и едва не оказался в воде, благо успел ухватиться за ветку.

Фризы ушли далеко вперед, и я поспешил вслед за ними. В темноте я несколько раз споткнулся и весь перепачкался в глине. Но я не обращал на это внимания, и вскоре снова увидел викингов. Они перебирались через реку – по шею в воде, нащупывая дорогу древками копий.

Страшная догадка обожгла меня. Переходя реку, фризы могли идти только в одно место – к усадьбе Рагнара. А судя по тому, что они взяли с собой оружие, намерения их были далеко не мирными.

Я подождал, пока фризы поднимутся на обрывистый берег, и только потом, крадучись, пошел вслед за ними. Чтобы меня не заметили, я сделал крюк и прошел еще шагов сто вдоль воды, а потом стал карабкаться вверх по заросшему орешником склону.

Мой плащ запутался в ветвях, и я бросил его. Я едва не потерял меч, расцарапал в кровь лицо и руки, не страх за Сбыславу гнал меня вперед.

И все же я опоздал. Когда я выбрался наверх, фризы уже двигались друг за другом по извилистой тропинке к усадьбе. Я кубарем скатился с бугра, добежал до частокола к притаился в тени.

Мгновение спустя я увидел Орвара. Он, одетый с ног до головы в железо и кожу, тяжело поднимался по узкой тропинке к воротам. На миг я разглядел его лицо, наполовину скрытое шлемом. Оно было спокойно, и в светлых глазах не было и тени сомнения.

Орвар остановился. Гуннбьорн и Колгрим были уже у ворот, остальные викинги стояли у него за спиной. Колгрим поднял руку и тупым концом копья трижды ударил в ворота.

Усадьба нависла надо мной, как огромный валун. Я ждал, затаив дыхание.

Залаяли собаки, а вслед за тем за частоколом вспыхнул факел и в воротах открылось узкое смотровое окошко.

– Что нужно?

– Посланец от Хрёрека-конунга.– Сказал Колгрим, крепче стиснув в руках копье.– Позови Харварда.

Я слышал, как раб-привратник прикрикнул на собак, а потом с глухим стуком упали засовы. Ворота приоткрылись, и в тот же миг Колгрим ударил привратника копьем. Издав грозный боевой клич, фризы ринулись во двор.

Я спрашивал себя потом, почему я не крикнул тогда, чтобы не снимали засовы. Если бы я сделал это, фризы, быть может, убили бы меня, но зато те, кто был внутри, остались бы живы. Но, видно, у меня не хватило духу. А, может, я не хотел спасать Сбыславу, зная, что мне она уже не достанется.

Я услышал тяжелый лязг железа – это обитатели усадьбы, пробудившись, выбежали из дома на двор, где их поджидали фризы.

и мог не бояться, что в суতোлке меня узнают, и приблизился к воротам, И я увидел, как рубились орваровы торговцы – вооруженные против почти безоружных. Кто-то ткнул пылающий факел под крышу сеновала, и яркое пламя, взмет-

нувшись к ночному небу, мгновенно озарило поле кровавой резни.

Несколько фризов во главе с Колгримом уже ворвались в дом, остальные добивали последних защитников.

Тех, кто дрался против них, было мало. Они спали, когда смерть рукою Колгрима постучалась в их дом. И они захлебнулись в крови, даже не успев толком разглядеть своего противника.

Пламя уже перекинулось на другие постройки, и огненные языки плясали в диком хороводе над притихшим полем сражения.

И тут я увидел Харварда. Я узнал его сразу, потому что он был без шлема, хотя и успел надеть кольчугу. В правой руке он держал топор, а в левой - обтянутый овчиной круглый щит.

– Орвар! – крикнул он, увидав предводителя фризов. – Ты ли это?

– Я! – Ответил тот. Он все время стоял в стороне, глядя на побоище, но теперь, увидев нового, сильного противника, вышел на свет, и я видел, как раздувались его ноздри, почуяв кровь.

– Ты, убийца, ночной разбойник! – Снова крикнул Харвард. – Выходи!

– Ты вызываешь меня? – Спросил Орвар, доставая топор.

– Да!

– Тогда готовься – твоя смерть уже в пути. Завтра твои

кости внесут в могильный курган, а я возьму все, что есть в этом доме.

Харвард не стал похвастаться, как его противник. Сказал только:

– Не спеши делить добычу, Орвар, потому что, сдастся мне, победа все еще в руках у судьбы.

И началось!

Они долго кружились на одном месте, и ни один не решился ударить первым. Фризы столпились вокруг и молча смотрели на поединок.

Я не уследил, что было дальше. Все закончилось быстро, в один миг. Харвард отступил назад, и оба противника исчезли с моих глаз. Вслед за тем дважды лязгнуло железо и захрустели кости. А потом показался Орвар, и секира его была в крови.

Огненные языки лизали частокол и пламя все выше поднималось над усадьбой. Я еще подумал, что в городе и в лагере викингов вряд ли могли не заметить кровавого зарева.

Пламя, казалось, еще чуть-чуть – и подступит вплотную к самому дому, охватит его огненным кольцом, превратит в пепел. Дым уже стелился над крышей, но бревна были еще сырые от недавнего дождя и не хотели загораться.

Тут на пороге вырос Гуннбьорн и за волосы вытащил из дома Ингрид. Та что-то кричала и рвалась прочь, но викинг ее не слушал – бросил на землю перед Орваром. Ингрид со слезами протянула руки к вождю фризов и схватилась за

край его одежды. Я не слышал, что говорила викингу гордая дочь Рагнара. Увидел только, как тот оттолкнул ее сапогом и пошел прочь. Девушка кинулась вслед за ним, но Орвар гневно обернулся и тряхнул ее за плечо так, что разорвалось платье. Он что-то хотел сказать, но тут появился Колгрим, и фриз швырнул Ингрид ему.

– Бери ее! Она твоя!

Колгрим поволок плачущую девушку со двора вслед за своими людьми, выносившими за частокол захваченную в доме добычу. Он прошел в трех шагах от меня и я видел, как билась в его руках красавица Ингрид – так бьется в отчаянье птица, попавшая в силоч. Сердце мое дрогнуло, но я не пошел за Колгримом. Я ждал.

И тут из начинавшего уже гореть дома вышел Орвар. И я увидел Сбыславу – она шла за ним следом, и ее связанные руки фриз держал в своей руке.

Пожар разгорался сильнее, и я, боясь быть узнанным, отступил в тень. Ночь была за меня, и я скрылся под ее черным покрывалом, словно злой дух. Теперь я знал, что буду делать дальше.

Густой дым поднимался от черных развалин и последние отблески пламени озаряли следы недавнего побоища. Смерть собрала в тот день богатый урожай. На почерневшем от пепла туне за обуглившимся частоколом лежало десятка полтора трупов. Они не ожидали нападения. Но они и не по-

бежали, когда Орвар-фриз сошелся здесь в смертельном бою с Харвардом из Конунгахеллы. И многие думали, что могучий Харвард еще споет победную песнь над поверженным врагом.

Но вышло не так. Не Орвара, а его противника завтра засыпят камнями. А с ним и всех тех, кто не покинул его в час беды.

К не пели скальды об ушедших в Вальхаллу. Лишь вороны, слетевшись к пожарищу, зловещим карканьем возгласят над ними погребальную песнь.

Но мне было все равно, что будет дальше. Я увидел все, что хотел увидеть, и делать мне здесь больше было нечего. Ибо лишь я знал, что в эту ночь не свершилась еще до конца воля всемогущих богов.

Под дубами на узкой тропинке лежали пятна лунного света. Если бы не луна, я, наверное, потерял бы Орвара из виду. Но луна тоже была за меня и она безжалостно высвечивала моего противника. Длинная тень викинга мела дорогу между деревьями, подпрыгивая на кочках и проваливаясь в ямы. Я шел вслед за ней, и рука моя стискивала рукоять меча. Я раздумывал ударить ли мне фриза в спину или окликнуть его, чтобы он обернулся.

Теперь я видел его. Орвар сначала тащил Сбыславу за руки, а потом, когда она совсем обессилела от усталости и страха, взвалил ее на плечо. Я побоялся напасть на него сзади, потому что случайным ударом я мог зацепить девушку. Я

решил расправиться с фризом в открытом бою.

Нервы мои были напряжены до предела, и я до боли в суставах сжимал ребристую рукоять меча.

И вдруг фриз исчез. И я едва не попятился, узнав место.

Это было старое капище – неведомые силы раз за разом приводили меня к нему. Мороз пробежал у меня по коже, ибо мне почудилось, что черные тени древних богов обступают меня, протягивают ко мне свои тонкие длинные руки, чтобы сцапать меня, как только что, может быть, сцапали Орвара. Я почувствовал липкий страх – словно кто-то вылил мне за воротник ковш холодной болотной грязи.

Но, отогнав наваждение, я решительно вышел из-за деревьев, окунувшись в бледно-голубой поток лунного света. Если Орвар был здесь, он не мог не увидеть меня.

Я остановился, вслушиваясь в звуки леса, вдыхая его запахи. Ночь молчала, сияя тысячами звезд, и ветер лениво шевелил редкую сухую траву. Я никого не видел, только в мертвенно-бледном свете луны зловеще толпились, обступая меня, черные деревья.

Но я чувствовал запах врага, я знал, что он здесь, ощущал его присутствие, и даже мог бы сказать, где он стоял.

Я вытащил меч и сделал шаг вперед.

– Орвар!

Он был там, за деревьями, у меня за спиной. Но я не обернулся. Я ждал. Я услышал шорох сухой листвы под тяжелыми сапогами, а затем глухой, чуть насмешливый голос ска-

зал:

– Я знал, что ты идешь за мной, Эрлинг сын Тормунда.

Я вздрогнул, хоть и ждал этого, и обернулся. Черная тень отделилась от дубовых стволов и остановилась в десяти шагах от меня. Лунный луч упал на лицо Орвара, и я увидел, как по-волчьи засветились его глаза. Сбыслава, сжавшись, застыла у него за спиной.

– Зачем ты пришел?– Спросил фриз.

– Я здесь затем, чтобы забрать с собой эту девушку,– Спокойно сказал я.

– Да?– Орвар, кажется, усмехнулся.– Вот, значит, что тебе нужно.

– И ещё я пришел сюда, чтобы встретиться с тобой как викинг с викингом. Один на один.

– Викинг? – Кривая усмешка снова зазмеилась на губах Орвара,– Да какой же ты викинг, Эрлинг сын Тормунда! Помолчав, он добавил:

– Девушка останется со мной, потому что это моя добыча.

– Ты взял ее не в честном бою.

– Эта девушка рабыня. По закону войны она принадлежит мне.

– Она не твоя, Орвар.– Твердо сказал я.

– Ты станешь оспаривать ее у меня? Ты, чужак, изгнанник-венд из невесть какой страны, называющий себя викингом? Попробуй, отними ее у меня!

И фриз, запрокинув голову, дико расхохотался, и лес от-

ветил ему зловещим эхом.

– Чем я хуже тебя?– Спросил я,– Мой народ такой же, как и твой, и мои боги – хорошие боги!

Фриз перестал смеяться.

– Посмотрим, как они помогут тебе сейчас.

Он отпустил Сбыславу, и она соскользнула на траву, припав всем телом к шершавому стволу дерева.

Я ждал. Но Орвар не спешил. Он наклонился к ручью, вытекавшему из капища, и, зачерпнув воды, плеснул себе в лицо. И долго стоял так, глядя на свое дрожавшее в воде отражение, и капли стекали по его густой бороде.

– Ну же!– Крикнул я, начиная терять терпение.– Что ты медлишь? Орвар искоса посмотрел на меня и проговорил:

– Не спеши. Ты ещё успеешь умереть, венд. Взгляни лучше на эти звезды – ты видишь их в последний раз.

Фриз выпрямился и едва уловимым движением стряхнул с плеч тяжелый плащ. А потом он расстегнул чехол, и моя жизнь тускло вспыхнула лунным светом на отточенном лезвии его секиры. Склонив голову, словно бык, готовящийся к нападению, медленно пошел на меня. Я не стал медлить и поднял меч, выставя навстречу противнику сверкающую молнию клинка.

Орвар остановился и скучающе зевнул, глядя куда-то в сторону. Его спокойствие поразило меня.

– А ведь эта девчонка и вправду красива.– Вдруг сказал он.– Но не тебе владеть ее красотой, Эрлинг-скальд!

Кровь бросилась мне в лицо и я кинулся на фриза. Только тогда Орвар поднял свою Херью.

И когда мы сошлись грудь в грудь, я увидел, как Сбыслава в страхе зажмурилась и припала к дубовому стволу.

Я ударил Орвара и вложил в этот удар всю свою силу. Фриз отскочил в бок и тут же нанес ответный удар. Я едва устоял на ногах, отразив его мечем, и только теперь по-настоящему оценил тяжесть оружия противника.

А потом я уже не считал, сколько раз разрубало воздух сверкающее железо, и сколько раз скрежещущий лязг эхом разносился по ионному лесу. И мы бились долго, потому что потом я уже с трудом поднимал внезапно отяжелевший меч. Я дышал тяжело, и руки почти не слушались меня. Но когда силы мои были на исходе, Орвар отступил и сказал, опустив топор:

– Даю тебе время передохнуть!

Впрочем, и сам он уже изрядно устал.

Мы стояли, глядя в лицо друг другу, а между нами незримо стояла наша ненависть. А когда мы вновь подняли оружие, я почувствовал заполнившее мое естество удивительное спокойствие. И было так оттого, что я вдруг уверился в своей неременной победе.

Но я даже не успел додумать эту мысль до конца, потому что наш поединок завершился мгновенно, словно внезапно оборвавшийся сон.

Орвар ударил, и его секира со страшной силой налетела

на мой меч. И клинок не выдержал – переломился. Да и не мог он выдержать.

Удар был так силен, что я не устоял на ногах и покатился по земле, в последний миг успев увернуться от рушившейся па меня сверкающей смерти. И показалось мне, что больше я не смогу подняться. Ибо сил у меня больше не было.

Орвар сделал шаг ко мне, занося свою Херью для последнего удара.

– Умри!– Прорычал он, и на фоне черного неба я увидел широкий стальной полумесяц, впитавший в себя капельки лунного света.

А потом все случилось так, словно время вдруг остановилось. Все звуки смолкли, все вокруг исчезло, а Орвар стал двигаться медленно, страшно медленно, и секира его будто замерла в воздухе. Словно во сне я услышал испуганный крик Сбыславы, а потом чей-то голос над моим ухом внятно сказал:

– Бей!

И в тот же миг я вскочил на ноги. Нашаривая правой рукой рукоять кинжала, левой я перехватил руку Орвара с зажатым в ней топором. И удивился, как легко было это сделать.

Викинг свободной рукой попытался схватить меня за горло, но я опередил его. Сверкнуло узкое лезвие кинжала, вообраз в себя свет одиноких звезд. Не знал Орвар, что тогда, в доме Рагнара, вместе с этим ножом вложил он мне в руки

свою смерть!

Я направил клинок снизу вверх, отмерив под ребро противнику шесть пальцев сверкающей стали. Фриз захрипел, хватая руками воздух, и кровавая пена выступила у него на губах. Я отступил назад, отпустив его. Орвар попытался еще взмахнуть секирой, но не смог ее удержать. Пальцы его разжались, и Херья упала на траву, едва не задев меня. Викинг застыл на месте, глядя на меня с бессильной яростью, а потом стал медленно валиться навзничь, словно подрубленный по корень дуб.

Я словно очнулся и вдруг услышал треск сверчков и тихий шепот ветра

в вершинах дубов, казавшихся серебристыми в рассеянном лунном свете. Я почувствовал, как жизнь водопадом обрушилась на меня, и от этого голова у меня пошла кругом,

Я подобрал Херью. Полированная рукоять удобно легла мне в ладонь, и я стиснул ее так, что побелели пальцы.

И тогда я сказал так:

Подрублен под самый корень
дуб урагана Херьи.

Встречей со скальдом Орвар
своей не умножил славы.

Взгляни, о калина злата,
чем кончилась эта битва:
лебедям крови отдал

Эрлинг Видрира секиры!

Сбыслава подбежала ко мне и, рыдая, припала к моему плечу. Я сунул секиру за пояс и, взяв девушку на руки, пошел прочь из этого царства страха и смерти. И мертвые лики древних богов, облитые лунным светом, безмолвно провожали меня цепким взглядом неживых глаз.

Мертвые... Или нет? Ведь боги не умирают...

Если бы меня спросили, куда я шел, я бы, наверное, не смог ответить. Я брел наугад, прижимал к себе свою ношу, и остановился только тогда, когда окончательно выбился из сил. Наверное, я оказался в самой чаще леса – деревья обступили меня сплошной стеной и ни один звук не долетал сюда из внешнего мира. Я опустил Сбыславу на землю и сам сел, опершись о ствол векового дуба.

Страх бродил вокруг меня, то приближаясь и обдавая могильным холодом, то отдаляясь и прячась там, среди спутанных голых ветвей. Мне казалось, в темноте среди деревьев лунный луч порой высвечивал хмурые лики древних богов, и я видел их в неверном призрачном свете. Да, это были они! Они пришли за мной – безжалостные и неумолимые.

Я чувствовал, что смерть Орвара не будет последней. Боги требуют новую жертву, и она должна быть принесена.

Я плохо помню, что говорила мне Сбыслава. Я упал на землю и зарылся лицом в сухую колючую листву, чтобы не

видеть блуждающих вокруг меня призраков. Но они все равно бродили среди деревьев, жарко дыша мне в затылок, касаясь меня холодными липкими пальцами, наполняя мои уши протяжными стонами. Только теперь их лица были не неподвижными деревянными масками. Они обрели плоть и кровь и стали лицами Тормунда, Харварда, Орвара... И я сам застонал, потом закричал, катаясь по земле, и звезды закружились надо мной роем испуганных светлячков.

Я заснул тяжелым тревожным сном только на рассвете, когда по сырой земле языками сизого дыма полз туман. Но спал я недолго и скоро очнулся от забытья, и в голове моей было тяжело, как после похмелья.

Сбыслава сидела рядом и смотрела на меня, словно затравленный лесной зверек.

– Я хочу есть.– Тихо сказала она. И всхлипнула совсем по-детски. Мне стало ее жаль.

– Подожди.– Сказал я, с трудом поднимаясь.

Сбыслава вскочила и отступила в сторону, глядя на меня с непритворным страхом.

– Я боюсь тебя. Ты сошел с ума, Эрлинг-скальд.

Я сдавил ладонями виски. Кровь бешено билась в жилах, обдавая жаром мой мозг.

– Пойдем.– Сказал я.

– Куда?

– В город.

.Девушка не противилась, и я, решительно взяв ее за руку,

пошел прямо через лес.

Утро не принесло мне желанного облегчения, потому что, хоть одна беда отступила, за ней следом поднималось предчувствие новой беды.

Я гибну, но мой смех еще не стих.

Мелькнув, прошли дни радостей моих.

Я гибну, но пою последний стих.

"Песня Рагнара Лодброка"

В то утро студеный северный ветер нанес с озера морозное дыхание далеких льдов и то ли снег то ли дождь срывался порой с низких свинцовых туч, покрывая землю противной липкой грязью.

Я вышел к берегу и остановился в недоумении, потому что на другой стороне в сыром дождевом мареве белели над рекой островерхие походные шатры. Я не знал еще, что случилось той ночью в славном городе Ладоге. А случилось вот что.

Не успели погаснуть в туманной мгле рассвета холодные звезды, как подошла к городу рать Вадима. Хрёрек тоже не стал медлить. Когда Вадим только еще приблизился к городской пристани, воины морского конунга уже поджидали его там. Хрёрек занял оба берега к перегородил реку своими ко-

раблями, а Вадим стал лагерем около города, к ни один не хотел уступить места другому.

Видел Вадим, что силы не равны, что у викингов вдвое меньше людей,

чем у него, вот и торопил битву. Да только одного никак не мог понять молодой князь: отчего до сих пор из города не выступил Орвар во главе отряда его сторонников и не ударил в спину Хрёрековым гирдманам. Не ведал ведь храбрый Вадем-ярл, что случилось в ту ночь, когда Орвар убил Харварда, а я убил Орвара!

Хрёрек же, видя растерянность молодого славянина нарочно оттягивал начало сражения. Стремясь выиграть время, он затеял переговоры, и к тому времени, когда я вышел на берег, оба вождя сошлись, на вершине холма, чтобы говорить о судьбе славной Ладоги.

Я поднялся наверх, тяжело ступая по размокшей рыжей глине и остановился за спинами воинов-северян. Здесь, на холме стоял каменный жертвенник Перуна, и сейчас двое жрецов в белых одеждах зачем-то пытались разжечь в нем огонь.

Хрёрек был уже здесь. Он стоял чуть впереди своей почетной стражи и зябко кутался плащ, пряча лицо в меховой воротник. Двое воинов поднесли ему низкую резную скамеечку, и конунг сел, плотнее запахнув полы плаща, и закашлялся в кулак – простыл, видно.

Его люди шли снизу, от воды, занимая северную окраи-

ну города. Когда их корабли только коснулись прибрежного песка, Хравн, один из щитоносцев Хрёрека, отнес знамя своего вождя на берег и водрузил его прямо напротив ворот крепости. Оно и теперь реяло там, громко хлопая на ветру.

Я посмотрел в другую сторону, туда, где над седыми холмами огненным цветком распустился кроваво-красный стяг Вадима и увидел роящихся вокруг шатров воинов в острокопечных кожаных шлемах. И тут же кто-то из викингов впереди меня сказал:

– Вадем-ярл не шутит. Но и Хрёрек тоже не шутит.

И тут я увидел Вадима. Он легко поднимался на холм впереди своих дружинников, и несколько фризов шли вместе с ним.

Жертвенник, на котором уже ярко пылал огонь, разбрасывая по ветру седую гриву дыма, разделял холм кап бы на две половины. По одну сторону сидел, сдвинув брови, грозный северный гость, а по другую встал Вадим со своими гирдманами. А слева и справа от холма замерли в напряженном ожидании два воинских стана, готовые по первому знаку своих вождей сойтись друг с другом в смертельном бою.

Несколько фризов столпились чуть в стороне от Вадима, все в доспехах и при оружии. Только взгляды их означали беспокойство – словно искали торговцы кого-то в толпе и никак не могли найти. И я знал, кого дожидались фризы и кого им не суждено было дожждаться.

Колгрим, увидав меня, пошел навстречу, но, заметив за

моей спиной Сбыславу, смутился и замер на месте.

– Где Орвар?– Глухо спросил он.

– Там, откуда не возвращаются.– Сказал я и отошел прочь.

Колгрим потоптался на месте, а потом позвал своих, и я увидел, как они заговорили, тревожно оглядываясь по сторонам. Я отвернулся, но Колгрим снова окликнул меня. Он и другие фризы подошли ко мне и стали спрашивать об Орваре, а говорили они так громко, что и другие собравшиеся стали на нас оборачиваться. И даже Хрёрек, кажется, прислушался к нашему разговору.

А когда кто-то сказал про Орвара и Рагнарovu усадьбу, конунг поднялся с места и сделал шаг в нашу сторону.

– Так вот кто учинил разбой минувшей ночью?– Воскликнул он.– Так это Орвар-фриз убил Харварда-ярла и его людей?!

Фризы молчали, положив руки на рукояти мечей.

– Где Орвар?!!

– Мертв,– Громко сказал я.

– Кто убил его?

– Я.

– Говоришь ли ты правду, Эрлинг-скальд?

– Пойди в старое капище в лесу близ Рагнаровой усадьбы, конунг, и посмотри на его труп, если воронье еще не расклевало его кости.

Хрёрек гневно поворотился к Вадиму, который слышал все до последнего слова.

– Твой человек по имени Орвар зарубил этой ночью Харварда из Конунгахеллы. – Проговорил он.– Не по твоему приказу он совершил это злодеяние.

Вадим повел плечом и сказал негромко:

– Орвар давно зло держал на Харварда. А о том, что случилось этой ночью, я не знаю.

– Можешь ли ты в том поклясться?

– Я пришел сюда, гость заморский, чтобы взять то, что принадлежит мне по праву. Я не вор и не разбойник, и пришел я сразиться с тобой в честном бою, а не жечь под покровом ночи чужие усадьбы. Фризы сожгли дом Рагнара, вот с фризов и спрашивай.

Так сказал Вадим, и я увидел, как после этих слов Колgrim выскользнул из толпы и проворно поспешил прочь. За ним по одному стали уходить и другие фризы.

Хрёрек в это время долго и пристально посмотрел на озеро, словно ждал чего-то, а потом обратился к Вадиму:

– Видишь, Вадем-ярл, ты и твои люди не хотите мира.

– Я пришел сюда не ради мира,– Сказал молодой князь.– Один из нас лишний на этой земле, потому что не бывало еще в одном городе два хозяйка.

– Твоя правда,– Усмехнулся Хрёрек.– Но тогда зачем же ты здесь? В этом городе уже есть хозяин.

– Я пришел взять свое.

– Напрасно. Не думаю, что здесь будут рады тому, кто приносит с собой меч войны. – Не ты ли сам несешь с собой

войну?

– Я пришел сюда с миром.– Проговорил Хрёрек, плотнее запахнув на груди плащ,– Я не лил крови и не поджигал чужих домов.

– Эта земля моя. – Угрюмо произнес Вадим.

– Не спеши, Вадем-ярл. Боги сегодня не на твоей стороне. Молодой князь огляделся. Фризов на холме уже не было, а вместо них позади него стояли Хрёрековы дружинники,

– Я не ведаю, что сотворили Орвар и его воины, и за их дела отвечать не намерен,– Сказал Вадим, спрятав рукоять меча в своей широкой ладони.– А нашу распрю мы решим, когда наши рати сойдутся в последнем бою. И пусть судьба великой Ладоги ляжет на острие боевого меча! Больше нам говорить с тобой не о чем.

Так он сказал и собрался уйти, но Хрёрековы воины загродили ему дорогу.

– Погоди, Вадем-ярл.– чуть насмешливо сказал Хрёрек.– Поговорить нам еще есть о чем.

Вадим обернулся и исподлобья взглянул на соперника.

– Чего ты хочешь?– Опросил он.– Поединка?

Кривая усмешка скользнула по губам морского конунга.

– Ну? – Вадим ждал.

Хрёрек усмехнулся, погладил ладонью усы, посмотрел зачем-то на затянутое пеленой тумана недалекое зеркало Невоморя, а потом не торопясь вытащил меч и попробовал пальцем остро ли лезвие.

– Земля уже расступается под твоими ногами.– Негромко сказал он и вышел на середину, и его мягкие сапоги неслышно ступали по утопанной глине. Так крадется рысь, беззвучно ступая по сухой листве пушистыми лапами.

– Боги еще не сказали своего последнего слова, гость.– Проговорил Вадим,– и если ты зовешь меня на поединок, так я готов. И я не берусь угадать, кто из нас уйдет живым с этого поля.

Он был уверен в своей победе, но я-то знал, на чьей стороне нынче была сила и на кого укажет валькирия концом своего сверкающего копья.

Хрёрек снова посмотрел в сторону озера, и легкая улыбка тронула его губы.

– До первой крови или до смерти? – По обычаю спросил он. Меч тускло взблеснул в руке Вадима, и все затаили дыхание.

– До смерти!

Хрёрек снова усмехнулся... и опустил меч.

И тут же двое викингов слева и справа ударили Вадима копьями под бока. Молодой князь не успел даже вздохнуть – только широко раскрыл рот, и я разглядел, как вдруг застыли его глаза.

И в тот же миг испуганно вскрикнули трубы и на реке показались длинные корабли. Это шли, на ходу убирая паруса, боевые драконы Атле и Снию.

Воины морского конунга разом схватились за оружие,

плотным кольцом обступая пришедших с Вадимом гирдманов. Те, похоже, так и не успели ничего понять.

Снизу, с берега уже бежали люди, а вслед за ними быстрым шагом поднимались викинги. И с каждым мгновением их становилось все больше.

Я увидел Атле. На нем был красивый красный плащ поверх кожаного панциря, а на высоком шлеме раскачивался пучок перьев какой-то диковинной птицы.

Викинги обступали холм к острия их копий блестели в тусклых лучах укрытого тучами солнца. Окруженные Вадимовы воины бросали на землю оружие, а сбжавшиеся со всех сторон испуганные ладожане растерянно топтались на месте, не ведая что к чему.

Снио-ярл взбежал на холм вслед за своим братом.

– На колени, славянские псы!– Взревел он.– На колени!

И замахнулся на кого-то своей тяжелой палицей.

Хрёрек остановил его взмахом руки. Он вышел вперед, раздвинув своих, и не торопясь вложил меч в ножны.

Двое викингов подвели к нему Станимира. У воеводы отобрали оружие, но вид его был по-прежнему грозен.

– Ты разграбишь город? – Хмуро спросил он.

– Нет.– Коротко ответил Хрёрек.

– А эти? – Станимир кивнул в сторону возбужденно шевелившиеся вооруженных викингов.

– Это мои люди и они подчиняются мне. Воевода повел плечом – и ничего не добавил. Хрёрек огляделся и смело

загнул навстречу толпе.

– Вот я, ваш князь!– Крикнул он громко, по-славянски,– Вы сами звали меня уберечь вас от войны. Войны не будет!

Люди долго молчали, и слышно было, как шевелился за их спинами страх, А потом послышались -голоса:

– Славьте Рюрика! Рюрик наш князь!

Хрёрек повернулся к своим и сказал громко:

– Крови не будет! Пусть воины идут к своим кораблям.

Сказав так, он медленно спустился с холма и пошел к крепости, и викинги черной лентой потянулись следок за ним. Обо мне морской вождь даже не вспомнил. А я смотрел ему вслед и думал, что нет мне разницы в том, как станут звать его теперь: Хрёрек-конунг или Рюрик-князь.

Я огляделся. Сбыславы рядом не было. Никого не было. Я стоял один на пустом холме, и только вороны, сердито крича, проносились над моей головой. Я напрасно ходил кругами по истоптанному множеством сапог полю – ни одной живой; души на своем пути я не встретил.

Я вышел к реке. Солнце, на миг показавшись из-за неподвижных туч, клонилось к закату. Белые облака, словно морская пена, виднелись на горизонте, и там, у самого края неба я увидел парус. И я понял – это уходила прочь от славянских берегов Орварова морская дружина.

Я сел на вывороченный из земли валун к долго смотрел с берега вниз, туда, где крутилась между серых камней мутная речная вода. Я не услышал, как сзади подошел Борислав и

сел рядом.

Я вытащил из-за пояса Орварову секиру и покачал ее на ладонях, потом я разжал руки, и топор, кружась, полетел вниз, вспыхнув на мгновение, встретившись у самой воды с последним лучом солнца – словно прощался.

– Зачем? – Тронул меня за рукав отрок.

– Он мне уже не понадобится.– Отвечал я.

– Ты пойдешь в крепость? Хрёрек всех зовет на пир. Я покачал головой.

– Сбыслава там, в крепости. Я сам отвел ее. Видя, что я не трогаюсь с места, Борислав сказал:

– Напрасно ты не хочешь идти, Эрлинг-скальд. Нехорошо воину прятаться, когда вождь празднует победу.

– Я больше не буду воином.

– А кем ты будешь?

Я пожал плечами.

– Что ты еще умеешь делать?

– Петь,– Сказал я.

И тут я вспомнил свою так и не сложенную песню о Тригвальдовой дружине и хотел было сказать ее... Но потом я подумал, что ее все равно никто не поймет. И тогда я сказал другую песню, которую сложил тут же из вертевшихся в голове обрывков фраз. М было в этой песне все, что я хотел сказать...

...Теперь я уже стар и голова моя покрыта сединой, но я

все так же иду из города в город, повторяя эти слова:

Я расскажу давнюю повесть.

Повесть о вражде и ненависти,

дружбе и предательстве,

в которой я по воле бессмертных богов

стал не только свидетелем,

но и участником.

И по сей день,

когда я касаюсь рукою струн,

звуки арфы пробуждают во мне забытое прошлое.

И вновь чувствую я ледяное дыхание смерти,

как в тот кровавый день,

когда многие, из тех, кого я знал,

ушли в Вальхаллу.

И слышу я нарастающий грозный гул битвы,

и воины падают на истоптанный ногами снег,

и ручьями льется кровь...

г. Луганск,

2000-2001 г.г.